

Изъ переписки Кристина съ княжною Туркестановой *).

1814-й годъ.

Крестинъ.

Москва, 1 Января 1814 г.

Если наступившій годъ будетъ для Васъ такимъ счастливымъ, какъ я его Вамъ желаю, то, конечно, ничего не будетъ недоставать для полнаго Вашего удовлетворенія. У меня есть нѣсколько человѣкъ, за которыхъ я такъ усердно молюсь Господу, что будь мои молитвы какого-нибудь значенія на небесахъ, люди эти утопали бы въ блаженствѣ. Что Вы во главѣ этихъ лицъ, въ этомъ Вы не можете сомнѣваться; но увы! на дѣйствіе моихъ молитвъ нельзя очень рассчитывать! Ваше письмо отъ 22-го пролежало въ сумгѣ почтальона двое сутокъ, пока онъ справлялъ праздники въ кабакѣ; бѣдняга былъ наказанъ, не смотря на мое заступничество. Но, увидѣвши въ спискѣ полученныхъ на почтѣ писемъ, что два были на мое имя, я вынужденъ былъ заявить, что я ихъ не получилъ, иначе они никогда не дошли бы до меня; конечно, почтальонъ получилъ нагоняй, но я, за это, при первомъ случаѣ дамъ ему хорошо на чай. Возможно ли, что Вамъ показался сухимъ тонъ моего письма отъ 15-го? *Я повинуюсь Вамъ* не было сказано съ сухостию, но съ легкимъ отгѣнкомъ упорства, подразумѣвавшимъ: *но я своего мнѣнія не измѣню!* Это было вѣжливо, прежде всего вѣжливо и больше ничего. Досадовать на Васъ я не могу; у Васъ слишкомъ доброе сердце, чтобъ я могъ себѣ позволить такое дурное чувство и я хочу быть вашимъ другомъ непрестанно. Вы никогда не можете нуждаться въ прощеніи; это несомнѣнно;

*) Переписка Кристина съ кн. Туркестановой была послѣднимъ чтеніемъ Александра II. Доставлена она была ему графиней Софьей Андреевной Бобринской, дочерью гр. Самойловой. За нѣсколько дней до злополучнаго покушенія 1-го Марта Государь читалъ эти письма. П. Б.

но я охотнѣе простилъ бы Васъ десять тысячъ разъ, чѣмъ дуться на Васъ четверть часа. Вы видите, какую я Вамъ предоставлю возможность обижать меня,.... зная, что у Васъ никогда не хватитъ на это духу.

Ахъ! какъ я Васъ жалѣю на Вашей вышгѣ въ такіе холода, какъ были здѣсь. Я понимаю весь ужасъ холодной лѣстницы въ 113 ступеней. Если Вамъ приходится выходить два раза въ день, то это составитъ маленькую пытку ровно 452 степеней. Увы! я въ самомъ дѣлѣ боюсь никогда не быть Вашимъ сосѣдомъ ближе чѣмъ на разстояніе съ Никитской до Коммерческой улицы, да еще еслибъ и это было! Циркуляръ всѣмъ фрейлинамъ, на подобіе разсылаемыхъ Наполеономъ префектамъ, къ чему онъ, спрашиваю Васъ? Въ честь какого же святого эта фантазія собраній? Какъ это займетъ Васъ и увеличить Вашу любовь къ свѣту! Здѣсь, впрочемъ, такъ много покойниковъ, что за тѣхъ людей, которые въ отдаленіи, менѣе беспокоишься.

Въ Понедѣльникъ трое человѣкъ умерло, проболѣвъ 24 часа. Княгиня Горчакова, мать военнаго министра, эта, полагаю, умерла отъ старости; Обуховъ—отъ апоплектического удара, передъ которымъ легко поболѣлъ, а Лаптева отъ самой незначительной простуды. Становится страшно. По поводу страха, я Вамъ расскажу, что случилось съ Вандамомъ. На дняхъ онъ былъ въ одномъ мѣстѣ, которое я не могу Вамъ назвать, но про которое дѣтямъ говорятъ, что туда и царь пѣшкомъ ходитъ; дѣло было вечеромъ, и онъ былъ со свѣчей. Вдругъ, послышался страшный шумъ, и что-то ужасное съ грохотомъ свалилось на голову генералу и потушило свѣчку. Внѣ себя, блѣдный какъ смерть, Вандамъ бросился въ комнату коменданта, въ такомъ беспорядочномъ видѣ, съ какимъ не принято показываться; онъ началъ жаловаться, что ему устроили западню, и требуетъ, чтобъ ему разъяснили, что случилось.

Комендантъ отправляется туда съ часовымъ и двумя лакеями. Оказывается, что виновницей всего шума была несчастная курица, усѣвшаяся подъ крышу сего прелестнаго мѣста и свалившаяся оттуда, ослѣпленная свѣчей генерала, при чемъ она билась и кудахтала. Носпѣшили вернуться къ генералу, чтобъ его успокоить, передавая ему со смѣхомъ о найденной курицѣ, но онъ пришелъ въ такое бѣшенство отъ сожалѣнія о немъ лакеевъ, что велѣлъ принести ему курицу и разорвалъ ее на куски, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ. Происшествіе вполнѣ вѣрное, и Вы можете говорить о немъ, какъ

объ вещи достовѣрной, придавши послѣдній штрихъ этому господину, у котораго, какъ увѣряютъ, на плечѣ есть лилія, быть можетъ вырванная уже имъ изъ сердца *). Англійская газета „Times“, говоритъ, что онъ былъ въ числѣ Марсельскихъ каторжниковъ, прибывшихъ въ Парижъ къ 10-му Августа 1792 г., и что съ этого и пошло его богатство. Это вовсе не мѣшаетъ тому, что здѣсь всѣ добиваются его знакомства, болѣе даже, можетъ быть, чѣмъ искали бы знакомства съ герцогомъ Полиньякомъ, или какимъ другимъ Французомъ въ его родѣ. Такъ-то вѣрно, что богатство, какого бы оно ни было происхожденія, заставляетъ скоро прощать самыя возмутительныя злодѣянія, а бѣдность, подъ конецъ, заставляетъ забыть всѣ дѣйствительныя достоинства человѣка. Вандамъ получилъ 50 тыс. отъ своего банкира; только и говорю, что объ его помѣстьяхъ, замкахъ, и всегда кончаютъ словами, что нельзя же обходиться, какъ съ презрѣннымъ, съ человѣкомъ, у котораго 500 тыс. франковъ дохода!

Всякій разъ, какъ я слышу подобное жалкое разсужденіе, я выхожу изъ себя. Вѣдь это тоже, что восхвалять, даже оправдывать, воровство, убійство и всѣ прочія преступленія, черезъ которыя онъ составилъ себѣ это постыдное богатство, отъ котораго его друзьямъ (такъ какъ они у него есть) слѣдовало бы краснѣть.

Графиня Толстая еще не пріѣхала, но Титовъ у ней въ Троицкомъ, такъ что она больше нашего знаетъ обо всемъ, что тамъ произошло. Она пишетъ мнѣ о немъ такъ кратко, что мнѣ кажется, она не очень-то имъ довольна. „Титовъ провелъ у меня эти три дня; къ половинѣ Января онъ будетъ въ Москвѣ; онъ сообщилъ мнѣ извѣстія о моемъ мужѣ, но они были старыя, такъ какъ мужъ писалъ мнѣ отъ 4-го Ноября“. Вотъ все, что она мнѣ пишетъ о немъ. По ея возвращеніи я не буду ее ни о чемъ больше спрашивать; но признаюсь, мнѣ кажется, что она иначе теперь говоритъ объ этомъ возвращеніи, которое объявляла прежде очень скорымъ, а въ настоящее время оставляетъ не рѣшеннымъ. Сынъ ея поправился, но его удерживаетъ холодъ. Она надѣется вернуться въ началѣ Января и умоляетъ меня продолжать ей писать до новаго извѣщенія. Письмо ея отъ 24-го Декабря. Не видите-ли Вы въ этомъ нѣкоторое противорѣчіе?

Въ числѣ умершихъ я пропустилъ молодаго Тараканова, два мѣсяца тому назадъ женившася на барышнѣ Лобковой. Ее преду-

*) Игра словъ: каторжное клеймо по-французски: fleur de lis, точно такъ же, какъ и эмблема королей Франціи—fleur de lis.

преждали не выходить за него, что онъ чахоточный и скоро умереть; на что она отвѣчала, что предпочитаетъ остаться вдовой, чѣмъ дѣвицей. Если это не эгоизмъ, то какая покорность!

У насъ въ домѣ былъ во Вторникъ большой балъ. Я не могу привыкнуть видѣть домъ такимъ шумнымъ: было 315 человекъ и если бъ комнаты были лучше освѣщены, балъ вышелъ бы прекраснымъ частнымъ баломъ. Къ слѣдующему балу освѣщеніе будетъ увеличено.

Что говорятъ въ Петербургѣ о проэктѣ, выдвигаемомъ Moniteur'омъ относительно возстановленія Папы, коронованія Римскаго короля королемъ Наварскимъ и возвращенія Бурбоновъ въ Испанію? Съ нетерпѣніемъ жду перехода Рейна и какого нибудь большаго дѣйствія мудраго Веллингтона. Миръ съ Даніей объявленъ-ли официально? Даву погибнетъ черезъ это.

Я былъ у Вашей тетушки въ первый день Рождества; она очень сердилась на Пфеллера, не позволившаго ей пойти къ обѣднѣ. Въ Понедѣльникъ я у ней обѣдалъ и нашелъ ее утѣшанной, такъ какъ она была въ церкви. Если я когда буду архіепископомъ Московскимъ, я ей устрою чудную домовую церковь. Я пишу Вамъ урывками, такъ какъ у меня гости; одинъ объявитъ новость, другой ее опровергнетъ, всѣ желаютъ мнѣ счастливаго новаго года, а я готовъ бы имъ отвѣтить: *начните это счастье, оставя меня въ покое*. Дѣло въ томъ, что я вынужденъ кончить мое письмо къ Вамъ; да и нужно сдѣлать нѣсколько обязательныхъ визитовъ. Прощайте, *bonne nuit*. Если при Вашихъ визитахъ въ Понедѣльникъ, или черезъ общество, котораго Вы состоите членомъ, Вы сможете оказать какую нибудь помощь *моей* Софіи, это будетъ дѣйствительно хорошо направленнымъ добрымъ дѣломъ. Она проситъ о вспомоствованіи; это только и могли мнѣ объяснить изъ ея письма; живетъ она у пастора Рейбота, около Анвинской церкви.

Онъ же.

Я не могъ отвѣтить Вамъ со вчерашней почтой и пользуюсь такъ кстати подошедшей безсонницей, чтобъ побесѣдовать съ Вами. Теперь 5 ч. утра; заснулъ я въ 3, а проснулся въ 4 и знаю, что засну только, когда будетъ совсѣмъ свѣтло. Такъ временами бываетъ со мной, и остается только терпѣть. Если мое письмо будетъ глупо, а слоги тяжелы, Вы будете знать къ чему это отнести. Ученые люди,

издавая свои книги, называютъ свои труды *плодами ночныхъ работъ*; по моему подобное выраженіе совершенно невѣрно, такъ какъ я безъ сна теряю способность мыслить. Въ настоящую, напримѣръ, минуту я чувствую себя идіотомъ, и еслибъ я слушался одного моего самолюбія, то бросилъ бы перо и бумагу; но при моемъ образѣ жизни, Богъ знаетъ, когда я еще найду время снова приняться за письмо. Москва стала какимъ то вихремъ, увлекающимъ и меня, хочешь не хочешь. Веселія я не испытываю никакого, но не нахожу отговорокъ, чтобъ не идти вслѣдъ за другими. Главной причиной всей этой суеты, это Собраніе, откуда всегда приходятъ за мной. Вхожу я туда съ лицомъ открытымъ и веселымъ, какъ приличествуетъ мѣсту, а всѣ убѣждены, что меня толпа дѣлаетъ такимъ, и любители оной находятъ меня очень пріятнымъ и заручаются мною на всю недѣлю. А у меня такой скверный характеръ, такъ расположенный къ аккуратности, что если я сказалъ да, это какъ будто я связалъ себя контрактомъ, и я иду на капитуляцію на свою голову.

Не угодно-ли, напр. послѣдовать за мной въ теченіе 48 часовъ. Во Вторникъ, 6-го, былъ большой обѣдъ въ Собраніи, на 50 персонъ, за которымъ, какъ я ни воздержанъ, все же поѣшь больше чѣмъ дома, и гдѣ за разными тостами раздражаешь свою подагру, которой молоко много полезнѣе вина. Обѣдъ продолжается цѣлыхъ два часа, и судите какое удовольствіе сидѣтъ между старикомъ Татищевымъ, мужемъ гн. Гагариной, и какимъ-то голоднымъ незнакомцемъ, не знающимъ даже какъ по-французски хлѣбъ. Послѣ обѣда, 8 роберовъ виста съ великимъ пастельникомъ Калиарши: по брилліанту на каждомъ пальцѣ, облеченъ въ турецкія шали, съ красной ермолкой на головѣ и съ длиннѣйшей черной бородой, которую онъ поминутно гладитъ, чтобъ похвастать блескомъ своихъ колець! Его соотечественникъ Варлаамъ весь въ соболяхъ и пунцовомъ атласѣ, съ сѣдой бородой, но веселаго нрава, и, наконецъ, Булгаковъ, хорошо Вамъ знакомый. По окончаніи этихъ 8-ми роберовъ, я схожу къ себѣ, рассчитывая отдохнуть передъ собраніемъ; но не тутъ то было: эти два Валахскіе боярина рѣшили, что имъ не стоитъ возвращаться домой, а лучше провести время до собранія у меня въ комнатѣ. Какъ четвертаго партнера они привели съ собой какого-то г. Загряжскаго и я опять сыгралъ 8 роберовъ очень тихо, при закрытыхъ дверяхъ, послѣ чего намъ пришли сказать, что всѣ залы уже полны и пора вновь отправляться.

И вотъ я на балѣ, но какъ мои ноги совсѣмъ онѣмѣли отъ такого долгаго сидѣнья за картами, я беру даму и цѣлый часъ прогуливаюсь

съ ней по всѣмъ заламъ: кажется это называется танцовать полонезъ.

Наконецъ, начинаются экосезы, и я присаживаюсь, чтобъ немного поговорить съ моей дамой. Вдругъ, передо мной дама, у которой нѣтъ стула; уступаю ей свой, а самъ продолжаю, стоя, бесѣдовать съ моей сидящей дамой. Какой-то танцоръ, несущійся какъ буря въ бѣшенномъ галопѣ, такъ налетаетъ на меня, что я дѣлаю десять пируэтовъ и, конечно, теряю нить начатой фразы. Въ полночь подають ужинъ, а въ Москвѣ всѣ дамы ужинають, какъ будто съ недѣлю ничего не ѣли. Двѣ дамы просятъ меня сопроводить ихъ къ столу, чтобъ имѣть знакомаго сосѣда за ужиномъ. Сосѣдъ хотя совсѣмъ изнемогаетъ, но исполняетъ ихъ желаніе такъ охотно, что дамы начинаютъ его упрасивать поѣхать послѣ ужина на маскарадъ къ Позднякову. Помилуйте, сударыня! Я тамъ былъ въ Новый Годъ, тамъ такая толпа, такая давка, что я не совѣтую Вамъ туда ѣхать.—Вы говорите, что тамъ толпа?—Да вѣдь это должно быть очень интересно. Поѣдьте же, поѣдьте; Вы только этимъ увеличиваете наше желаніе посмотрѣть маскарадъ. Уже часъ, нужно тотчасъ ѣхать.—Такъ я и попалъ въ маскарадъ, гдѣ ходилъ изъ гостиной въ театръ, изъ партера въ ложи и гдѣ вытерпѣлъ скучнѣйшую болтовню двадцати масокъ. Когда я, наконецъ, по милости Божіей могъ добраться до моей постели, сонъ, не смотря на мое желаніе спать, исчезъ; у меня въ головѣ все Валахи, карты, танцы, маски, и я говорю себѣ: такъ вотъ въ чемъ удовольствія свѣта! ахъ! какъ бы я предпочелъ имъ сонъ. На другой день, т. е. вчера, я чувствую себя совсѣмъ разбитымъ. А между тѣмъ я общалъ обѣдать у кн. Барятинскаго; у него всегда опредѣленное число приглашенныхъ и нельзя пропустить его приглашеніе, къ тому же онъ такъ милъ и любезенъ. Выплюсь послѣ обѣда. Какъ же! А концертъ у Апраксиныхъ? Необходимо быть на немъ, разъ я взялъ билетъ и согласился ѣхать туда съ цѣлой кампаніей, которая никогда не проститъ мнѣ, если я ее обману; впрочемъ, концерты меня всегда усыпляютъ, а я нуждаюсь въ наркотическихъ средствахъ. Ёду въ 7 ч. на концертъ, а по окончаніи его, въ 10 ч. вмѣстѣ со всѣми ёду на балъ къ кн. Трубецкой. Балъ очень удачный и кончился онъ ужиномъ на 60 персонъ въ 2 часа ночи.... Остальное Вамъ извѣстно. Иду лечь; письмо кончу, если удастся, передъ званымъ обѣдомъ у кн. Юсупова. Прошу Васъ, помолитесь за меня: есть съ чего умереть, если подобная жизнь продолжится.

Послѣ часоваго отдыха принимаюсь снова за письмо, но о себѣ больше ни слова; пора и честь знать. Я очень посмѣялся надъ Вашей

ночной поѣздкой съ г. Марковымъ и надъ Вашимъ описаніемъ ея, въ которыхъ Вы какъ будто хотите себя оправдать. Отъ меня не ожидайте никогда осужденій: никто болѣе меня не увѣренъ въ томъ, что женщина можетъ бояться только себя самой и что никто, будь то человѣкъ на 40 лѣтъ моложе Маркова, не приступитъ къ ней, иначе какъ съ ея согласія. Какой же мужчина подвергнетъ себя *настоящему* гнѣву женщины? Не дѣйствительная необходимость, а только приличія противъ *tête à tête* овъ въ каретѣ. Что касается г. Дюбура, можетъ онъ и очень любезный человѣкъ, но не особенно хорошо воспитанный, иначе, какъ Вы справедливо замѣчаете, онъ не посмѣлъ бы сдѣлать такой фамильярный комплиментъ, не убѣдившись сперва, что такая короткость допускается. Когда мнѣ было 18 лѣтъ, я воображалъ, что необходимо сказать что нибудь каждой дамѣ. Къ отцу моему пріѣхала дальняя родственница съ своей свѣженькой молоденькой дочерью, которую я еще не зналъ. На другой же день я объявилъ ей при всѣхъ, что нахожу ее прелестной. Барышня покраснѣла, а мать, нисколько не сердясь, сказала моему отцу: „еслибъ я знала, что Вашъ сынъ такъ дурно воспитанъ, я не привезла бы сюда Генріету“. Я совсѣмъ остолбенѣлъ и тотчасъ почувствовалъ, безъ дальнѣйшихъ объясненій, все неприличіе моего поведенія, и ужъ за всю мою молодость не повторилъ подобной глупости; но долженъ признаться, что путешествія, вмѣсто того, чтобъ укрѣпить меня въ этомъ отношеніи, напротивъ, испортили меня, такъ какъ чаще встрѣчаются дордой женщины не претендующія на то, чтобъ имъ оказывали уваженіе, чѣмъ требующія онаго. Замѣтите, во всѣхъ столичныхъ городахъ, для иностранцевъ прежде всего открываются дома, хозяйки которыхъ менѣе всего чопорны, а въ лучшее общество они попадаютъ на нѣкоторую короткую ногу только много спустя по ихъ пріѣздѣ. Вашъ Дюбуръ, вѣроятно, встрѣчалъ много княгинь Санта-Кроче и его комплиментъ на счетъ Вашей ноги напомнилъ мнѣ эту Римскую барыню, съ которой начинали знакомство всѣ пріѣзжіе. Мы отправились къ ней съ г. де Калонемъ, который зналъ ее по ея репутаціи. Она приняла насъ во время своего туалета и съ перваго же нашего визита была неудержимо весела. Г. де-Калонъ, чтобъ попасть въ ея тонъ, началъ восхищаться ея прелестями, что по видимому очень ей нравилось и оживляло ее. „Какая у Васъ прелестная ножка!“ говоритъ онъ ей.—Нѣтъ *Вы посмотрите-ка повыше*, отвѣчаетъ ему княгиня, открывая ногу до колѣнъ!—Я при этомъ подумалъ про себя: ну эта княгиня не въ мою скромную кузинучку! Читая Ваше письмо о Дюбурѣ, я и подумалъ, *ужъ не прикидываетъ-ли Васъ этотъ болванъ за подобную кн. Санта-Кроче?* Вы совершенно правы, сердясь на Дюбура, но не думайте, что

я стану ему подражать; никто не знает лучше меня, что въ Васъ есть достойнаго похвалы, но никто меньше меня не будетъ Вамъ говорить объ этомъ, такъ какъ скромность Ваша первая добродѣтель и задѣтъ ее, хотя бы и слегка. вѣдь это самому себѣ причинить вредъ. Впрочемъ, мужчинѣ можно и безъ словъ дать понять женщинѣ, что онъ о ней думаетъ; это чувствуется особымъ молчаніемъ, которое выразительнѣе всякаго краснорѣчія.

Говорятъ, что Титовъ въ Рязани и очень боленъ; надѣюсь, это преувеличено. Семень Ивановичъ пріѣхалъ вчера съ обозомъ и увѣряетъ, что графиня будетъ здѣсь завтра. Значить, я ошибался: тѣмъ лучше.

Вотъ и Рейнъ перейденъ и нашъ Императоръ во Франціи. Вчера весь городъ былъ иллюминированъ; гр. Ростопчинъ выставилъ на своемъ домѣ транспарантъ, гдѣ, подъ именемъ Александра, были слѣдующія слова:

Добродѣтель—его законъ,

Предъ нимъ палъ Наполеонъ.

Теперь самая пора для окончательной кампаніи, и нужно уповать, что Господь поддержитъ насъ до конца!

Мнѣ кажется, я могъ бы Вамъ еще о многомъ написать, но у меня головная боль и, конечно, я знаю чѣмъ она вызвана; а, между тѣмъ, необходимо ѣхать на обѣдъ къ кн. Юсупову. И какимъ же я тамъ буду скучнымъ! Я на Васъ, княжна, потратилъ весь остатокъ моихъ умственныхъ силъ послѣ всѣхъ ужиновъ. Я въ полномъ смыслѣ слова жалкій человѣчекъ, но каковъ я ни на есть, вѣрьте моей глубокой преданности. Мнѣ еще нужно написать г-жѣ де Нуазевиль и, чтобъ имѣть на это время, я оставляю Васъ. Кстати, по случаю бала въ собраніи, меня посѣтилъ Вашъ дядюшка. Мнѣ показалось, что онъ не мало удивился моей изящной обстановкѣ, которую нельзя предполагать, глядя на мою фигуру. Но дѣло въ томъ, что изящество вокругъ насъ зависитъ не отъ насъ, а отъ мебели и убранства комнаты, но если-бъ я самъ отдѣлывалъ свое помѣщеніе, оно соотвѣтствовало бы моей фигурѣ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ. 5-е Января 1814 г.

Я еще до вашего письма отъ 25-го знала о вашей исторіи съ кн. Михайломъ; рассказалъ мнѣ ее Марковъ, но я могу Васъ увѣрить,

что онъ менѣе Вашего разстроился этимъ и что подобныя неудачи онъ не принимаетъ близко къ сердцу. Но я понимаю Ваше недовольство, такъ какъ и сама почувствовала бы подобное, такъ справедливо, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ наблюдать за чужими интересами: всегда кажется, что недостаточно соблюлъ ихъ. Я жалѣю, что Руничъ не взялъ этой квартиры; она по близости отъ тетушки, и они могли-бы часто видѣться. Знакомы-ли Вы съ родителями почтдиректора; это мои большіе друзья, чудные люди, а мать совсѣмъ святая. Узнайте мнѣ, въ Москвѣ-ли они и что это за домъ Мясоѣдова, гдѣ они живутъ. Мнѣ хочется это знать опять таки для тетушки. А кстати о ней, знаете-ли Вы, что она Васъ очень любитъ. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ она говоритъ о Васъ: „мой милый *Крстинъ*“, и радуется, что Вы ее часто навѣщаете. Пожалуйста продолжайте посѣщать ее, этимъ Вы и мнѣ дѣлаете пріятное, а тетушка въ свою очередь заслуживаетъ, чтобъ ее любили. При отъѣздѣ царствующей Императрицы, я писала тетушкѣ, что собираюсь этой зимой побывать въ Москвѣ и не назначъ меня на дежурство при себѣ Императрица-мать, я бы тотчасъ и исполнила мое намѣреніе, но теперь невозможно уѣхать послѣ даннаго повелѣнія. Мы уже начали дежурство, и третьяго дня я сопровождала Ея Величество въ больницу и осталась въ восторгѣ отъ ея внутренняго устройства. Она можетъ вмѣстить двѣсти человѣкъ больныхъ, съ чуднымъ за ними уходомъ. Чистота палатъ такая, какъ въ гостиныхъ. Больные пользуются всевозможными удобствами: кресла для выздоравливающихъ; у каждой кровати столигъ и на немъ все, что можетъ понадобиться. Однимъ словомъ, это что-то чудесное, и я высказала Императрицѣ мое впечатлѣніе. Не думаю, что-бы могло существовать что либо подобное въ другомъ мѣстѣ. По оставленіи больницы, заработала моя головушка: я стала думать, какое бы это было счастье удалиться въ какое нибудь помѣстье, устроить тамъ больницу, школу для дѣтей и многое другое, что послужило бы на пользу души и заняло бы умъ! Но увы! мнѣ, не имѣющей ни малѣйшаго клочка земли, нечего и мечтать о чемъ нибудь подобномъ.

Новый годъ я встрѣтила у Гурьевыхъ. У нихъ домовая церковь, гдѣ была служба, послѣ которой мы вернулись въ гостиную, куда пріѣхало нѣсколько человѣкъ. Марковъ пріѣхалъ въ 11 ч. отъ какого-то Хованько, мошенника по профессіи, служившаго въ Интенданствѣ, гдѣ онъ воровалъ во всю. Въ настоящее время, у него огромное состояніе, онъ задаетъ обѣды и ведетъ большую игру. Послѣднее и притягиваетъ нашего старика, который помираетъ со смѣху, рассказывая все, что творится у этого господина, и сознается, что страсть

къ картамъ заставляеть его компрометировать себя, посѣщая подобное общество. Онъ насъ очень позабавилъ разсказами объ этомъ обѣдѣ. Мы расцѣловались съ нимъ отъ всего сердца, и я не могу Вамъ передать до какой степени онъ ко мнѣ благовольтъ.

Съ прїѣзда князя Бориса, въ домѣ у нихъ что-то не ладно. Мнѣ кажется они не созданы, чтобъ жить подъ одной кровлей. Я его считаю добрякомъ, но только когда онъ одинъ; въ семьѣ же, онъ становится придирчивъ и непрїятенъ. Но тамъ г-жа де Нуазевиль, чтобъ все примирять; но нѣкоторыя уже выходки князя меня порядкомъ удивили! Одно могу сказать положительно, что, за исключеніемъ гр. Толстого, я не видѣла ни одного мужа, что нибудь стоящаго; но гр. Толстой верхъ совершенства.

Знаете-ли Вы, что Титовъ возвращается? Увы! это не подлежитъ сомнѣнію, мнѣ писали объ этомъ сестры. Въ Теплицѣ онъ все время хворалъ и вдругъ ему пришла фантазія вернуться въ Россію. Остерманъ приглашалъ его присоединиться къ нему въ Вѣнѣ, предлагая на весну Италію. И сестра моя, которую онъ обожалъ, также писала ему; онъ никому не отвѣтилъ, и Catherine полагаетъ, что онъ уже уѣхалъ. Я только не могу понять, какъ онъ все это сдѣлалъ необдуманно. Бросилъ-ли онъ службу? Не хочетъ онъ, что-ли, оставаться далѣе при ополченіи. Богъ его знаетъ! Я дрожу при мысли объ его прїѣздѣ. Если онъ оставилъ милицію изъ за неудовольствій съ Толстымъ, это будетъ ужасно: тогда онъ начнетъ одолѣвать насъ своими обычными выходками. Горе ему, если я его услышу: мы разсоримся съ нимъ навсегда.

Я не сообщаю Вамъ никакихъ новостей, потому что Вамъ пишетъ г-жа Нуазевиль. Государь былъ въ Базелѣ; полагаютъ, что въ Женевѣ есть аванпосты и что войдутъ въ Порентруи. Увѣряютъ, что Бонапартъ самъ идетъ противъ Веллингтона. Прокламація Шварценберга хорошо составлена. Вы ее должны были получить съ послѣдней почтой.

Прощайте, будьте здоровы; что холода въ Москвѣ не такъ жестоки? Мы начинаемъ приходить въ себя: сегодня только 13 градусовъ. Три дня тому назадъ чуть не сгорѣла жена Испанскаго посланника г-жа Бардакси. Она стояла около печки и нагнулась, чтобъ поднять что-то, когда ея платье втянуло въ печку, да такъ быстро, что она почувствовала себя всю въ огнѣ, и прежде чѣмъ подоспѣли къ ней на помощь, на ней уже горѣла рубашка. Она страшно теперь страдаетъ, вся въ

ранахъ и можетъ лежать только на одномъ боку. Я послала узнать объ ея состояніи, говорятъ жаръ не такой ужъ сильный.

КРИСТИНЬ.

Москва. Понедѣльникъ 12 Января 1814 г.

У меня буквально только одна минута, чтобъ наскоро сообщить Вамъ, что гр. Толстая пріѣхала. Она здорова, но видъ у ней недовольный, озабоченный; о мужѣ она почти не говоритъ, развѣ только то, что онъ не въ дѣйстви и только по чувству повиновенія ведетъ милицію, и что какія бы ему ни поручили военныя дѣйствія, это ни къ чему, такъ какъ *это только ополченіе, да еще и арьергардное*. О Титовѣ она говоритъ очень мало и совсѣмъ не въ восхищеніи отъ него! А онъ, дѣйствительно, при смерти въ Рязани. Пріѣхали поспѣшно за его братомъ, но графиня, кажется, совсѣмъ не озабочена этимъ. Я подозреваю, что онъ, вѣрно, наговорилъ много лишняго; но воздерживаюсь отъ всякихъ разспросовъ и не буду ни о чемъ спрашивать и впредь. Мы много говорили о Васѣ съ графиней.

Не отвѣчаю теперь на Ваше письмо отъ 5-го, оставляя это до четверга. А я очень жалѣю, что кн. Екатерина отказала Титову пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ; она его почти бы не видѣла, не терпѣла бы никакихъ отъ него безпокойствъ и была бы имъ обезпечена на всю жизнь.

Мнѣ всегда приходится разсуждать подобно скупцу, а между тѣмъ, есть-ли на свѣтѣ человекъ болѣе безкорыстный чѣмъ я? Происходитъ это отъ того, что съ годами я все больше цѣню независимость, а она, увы! пріобрѣтается только деньгами! Мнѣ-же собственно нужны онѣ, чтобъ было только необходимое для существованія, но видитъ Богъ, я не дорожу избыткомъ.

Онъ же.

Москва, 15-ое Января 1814.

Съ послѣдней почтою я Вамъ послалъ коротенькую записку, чтобъ увѣдомить Васъ о пріѣздѣ гр. Толстой и о томъ, какъ произошла, по моимъ догадкамъ, ея встрѣча съ Титовымъ; больше я ничего не знаю; но потому, какъ его болѣзнь мало ее безпокоитъ, полагаю, что она не очень-то имъ довольна. Она ни разу не привела ни одной изъ его фразъ, ни малѣйшаго его слова; она не знаетъ ни одного анекдота

изъ арміи своего мужа. и ничего объ окружающихъ его лицахъ, точно онъ какъ перстъ, одинъ на свѣтѣ. Понятно, что видя ее въ такомъ расположеніи, воздерживаешься отъ всякихъ вопросовъ.

Я хорошо знаю родителей Рунича, видѣвши ихъ въ Нижнемъ; живутъ они недалеко отъ почты, но я не сумѣю Вамъ точно сказать, гдѣ именно домъ Мясоѣдова; во всякомъ случаѣ, это близко отъ Вашей тетушки. Сыновья ихъ тоже очень хорошіе люди; почтаутскій немного самонадѣянъ; онъ вполне увѣренъ и такъ просто говоритъ о томъ, что онъ все изучилъ до корня, поэтому и судить онъ обо всемъ такъ рѣшительно, чѣмъ только вредитъ своимъ сужденіямъ. Но это порокъ молодости; сердце же у него предоброе, что онъ и доказываетъ постоянно. Къ 50-ти годамъ, когда его умъ созрѣетъ, онъ будетъ вполне уважаемымъ человѣкомъ.

Я вѣдь полагаю, что Императрицѣ-матери фрейлины нужны для гостини, а не для посѣщенія больницъ. Я однако увѣренъ, что Вы предпочли это всякимъ баламъ. Подобныя учрежденія были бы дѣйствительно хороши, еслибъ ихъ хватало на каждаго больнаго; но когда знаешь, что туда можно попасть только по протекціи, какъ милость, и что на одного принятаго человѣка, пятидесяти другимъ отказано, это очень охлаждаетъ сердечное удовольствіе, испытываемое при осмотрѣ подобныхъ образцовъ благотворительности. Но удовлетворить всѣхъ больныхъ, этого пожалуй и не достичь никогда. Какъ видно, на это у правительствъ не хватаетъ средствъ, или доброй воли у администраторовъ.

Hôtel-Dieu, въ Парижѣ, громадное зданіе, а я видѣлъ тамъ до четырехъ больныхъ на одной кровати, что, конечно, приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы. Больница въ Миланѣ тоже одна изъ самыхъ большихъ благотворительныхъ учрежденій, но и въ ней нѣтъ достаточно мѣста для всѣхъ желающихъ туда попасть. То-же самое и въ Римѣ. Всѣ больницы въ Мадридѣ богато обезпечены королями, но къ этому прибавили доходы съ боя быковъ, что приноситъ громадныя суммы; и, не смотря на все это, и въ Мадридѣ нѣтъ достаточно мѣста для всѣхъ больныхъ. Я вывожу изъ всего этого, что самое трудное дѣло достичь удовлетворенія всѣхъ нуждающихся въ леченіи, но говоря такъ, я далеко отъ того, чтобъ осуждать попытки людей, стремящихся къ этой цѣли; самое лучшее самимъ дѣлать возможное, а остальное предоставить промыслу Божьему. Закрытіе всѣхъ монастырей въ католическихъ странахъ всей Европы, для бѣдныхъ потеря незамѣ-

нимая. Множество стариковъ, дѣтей и женщинъ получали тамъ ежедневно пищу. Всѣ средства монастырей поглощены военными нуждами, а разгономъ всѣхъ монаховъ и монахинь думали сдѣлаться болѣе цивилизованными, считая ихъ, по мнѣнію философовъ, учрежденіемъ вреднымъ для народа. Желалъ бы я знать, а что думаютъ эти господа о рекрутскихъ наборахъ, отрывающихъ отъ родного крова, отъ 400 до 500 тысячъ молодыхъ людей, для того, чтобъ ихъ вести на вѣрную смерть? А это результатъ ихъ человѣколюбія.

Радуюсь Вашимъ хорошимъ отношеніямъ съ гр. Марковымъ. Онъ въ состояніи оцѣнить Васъ и хорошо разобрать, а я безконечно благодаренъ тѣмъ, кто видитъ въ Васъ то, что я вижу. И это вовсе не потому, чтобъ мое мнѣніе нуждалось въ поддержкѣ: я останусь при немъ, еслибъ даже было возможно допустить, что никто не замѣчаетъ Васъ; но пріятно видѣть, что воздають должное тѣмъ, кого мы любимъ!

Я отлично зналъ, что кн. Борисъ не отличается любезностью въ семейной обстановкѣ; онъ не созданъ для хорошаго общества; онъ любитъ *свое* общество, а оно немного *subalterne*.

Мнѣ кажется, что М-ше Нуазевиль представляетъ его себѣ въ лучшемъ видѣ чѣмъ тѣ, которые постигли его характеръ и подробности его жизни. Думаю, что денежная часть приводитъ его въ дурное расположение духа, но я не могу жалѣть челоуѣка его званія, который находится въ затрудненіяхъ, сдѣлавшись *главнымъ откупщикомъ*; это такъ недостойно, такъ не соотвѣтствуетъ его имени и даже его большому состоянію, достаточному чтобъ поддержать свое имя, что можно жалѣть только его жену и дѣтей, а никакъ не его, князя Голицына. Какъ это при 13 т. душъ, которые и безъ этихъ мерзкихъ откуповъ приносили бы 200 т. дохода, не устроить себѣ хорошій домъ въ Петербургѣ для семьи и жить прилично, не дѣлая долговъ: это превышаетъ мое пониманіе! И съ такимъ то чудеснымъ состояніемъ ему вдругъ понадобилось запереться на два-три года въ деревню, и вмѣсто того чтобъ воспользоваться такимъ удаленіемъ отъ свѣта, для расплаты съ долгами, ему какъ ребенку, вздумалось купить оркестръ музыкантовъ за 60 т. или свору собакъ за 50.. и содержать цѣлый сераль со всѣми *довѣренными*, необходимыми при немъ. Нѣтъ! это гадко, безразсудно и недостойно. Мнѣ жалка княгиня, у которой по моему только вкусы и потребности ея положенія. Чтѣ тутъ заслуживающаго осужденія въ ея желаніи жить въ городѣ, когда она рождена для этого,

когда у ней дочери, которыхъ нужно пристроить и на все это есть средства. Да если бы княгиня и переѣхала въ Сумы года на два, на три, этимъ не уплатили бы, все равно, ни копѣйки долгу. Быть въ хорошемъ обществѣ на продолжительное время стѣсняеть князя, вѣрьте мнѣ въ этомъ. А къ этому еще, князь съ невѣроятною легкостью поддается вліянію всякихъ дураковъ.

Вы справедливо считаете гр. Толстаго образцовымъ мужемъ; ему подобныхъ мало, и не много женъ такихъ счастливыхъ въ этомъ отношеніи, какъ его жена. Еслибъ ему удалось снова проводить зимы въ Москвѣ, лѣта—въ Троицкомъ, отказаться отъ почестей и пристроить своихъ дочерей, счастье ихъ было бы полное. Евдокія еще выросла и стала очень красивой; Соня умнѣе ея и разсудительнѣе, но я не согласенъ съ ея матерью въ томъ, что она красивѣе своей старшей сестры. Сашу прелестень. Кстати; говорятъ, будто князь Борисъ поссорился съ Минскимъ губернаторомъ и съ полковыми командирами своего ополченія, черезъ что имѣлъ много непріятностей. Если Вы ничего не слышали объ этомъ, пожалуйста, и не говорите ничего, можетъ это неправда, или что нибудь преувеличенное.

Я сдалъ второй этажъ дома въ наймы Бахметеву, а флигель нѣкоей Гурьевой; одинъ флигель еще пустуетъ, но и онъ займется; домъ приноситъ въ настоящее время 13,200, а когда сдастся второй флигель, дойдетъ почти до 15 т. Пока идетъ хорошо, и я очень этимъ доволенъ, такъ какъ я взялъ на себя это дѣло.

Собраніе во вторникъ было очень блестящее; танцовали въ двухъ залахъ, а играли въ пяти или шести комнатахъ; ужинали въ библиотекѣ, т. е. въ комнатѣ предназначаемой на это; когда мнѣ очень жарко, я спускаюсь отдохнуть въ моемъ кабинетѣ, такъ что мнѣ эти вечера въ собраніи очень пріятны. Валахи не приходили ко мнѣ продолжать вистъ, и я провелъ день благоразумно. Въ понедѣльникъ на спектакль у Апраксиныхъ было 620 человекъ; Кокоскинъ, Ильинъ и кн. Долгорукова играли отлично.

Я собирался написать Вамъ еще о многомъ, но мнѣ помѣшали, и я кончаю, чтобъ отвѣтить княгинѣ Голицыной и г-жѣ де Нуазевиль. Прощайте.

Тетушку Вашу я видѣлъ вчера вечеромъ у гр. Толстой.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 12-ое Января 1814 г.

Сегодня утромъ я сдѣлала нѣсколько концевъ, а теперь я должна одѣваться на обѣдъ къ де-Литта, гдѣ празднуютъ именины кн. Юсуповой; Татьяна Голицына тоже именинница сегодня, и я поѣду къ ней вечеромъ, такъ что я не могу писать Вамъ много сегодня, но такъ какъ Вы привыкли получать отъ меня письма каждое воскресенье, я все же пишу, а Вы удовольствуйтесь тѣмъ немногимъ, что я Вамъ сообщу.

Сонѣ Шиллеръ будетъ дано вспомошествованіе; она уже подавала просьбу нашимъ дамамъ, отъ которыхъ и получила немного денегъ, но это не помѣшаетъ ей получить и еще. Я говорила объ ней предсѣдательницѣ и г-жѣ Новосильцевой: обѣ примутъ въ ней участіе. Она не въ моемъ участкѣ, но если я раздобуду карету у кн. Голицыной, я отыщу Вашу protégée у пастора Рейнбота, и воображаю, какъ я ее удивлю моимъ появленіемъ; вѣдь она и не подозреваетъ, что я живу въ Петербургѣ.—Въ настоящее время, у меня другое еще дѣло на рукахъ. Свояченица бывшего оберъ-полицеймейстера, Эртеля, страшно бѣдствуетъ; у ней дочка одиннадцати лѣтъ, прелестная, какъ ангелъ, но которую она не можетъ помѣстить ни въ одно казенное заведеніе, такъ какъ ея мужъ, бывши почтмейстеромъ въ Вольмарѣ, по непростительному легкомыслію, разстратилъ 500 р., что обнаружила ревизія.

Его судили очень строго, но, какъ говорятъ, совершенно по закону, и, какъ иностранца, выслали за предѣлы Россіи. Вотъ это-то несчастное обстоятельство и закрыло для его дочери доступъ въ казенныя заведенія; а мать, получившая сама нѣкоторое воспитаніе, чувствуетъ въ немъ потребность и для дочери. Она была у меня съ ней, и первое что мнѣ пришло на умъ, при видѣ прелестнаго личика дѣвочки, это было взять ее къ себѣ. Но какая отвѣтственность! Но моя кочевая жизнь! Но гнѣвный взглядъ горничной, управляющей мною желѣзнымъ скипетромъ, и взглядъ которой какъ будто говоритъ мнѣ: довольно съ насъ и одной, порядкомъ мнѣ надоѣдающей! Все это остановило меня. Я общала подыскать не очень дорогой пансіонъ, и тотчасъ же примусь за это. Когда найду подходящій, устрою складчину, чтобъ помѣстить туда Луизу Эртель. Собираюсь написать объ этомъ дочери Маркова. Съ трехъ, четырехъ человѣкъ можно собрать 400 р. Вотъ чѣмъ я озабочена послѣдніе дни. Съ Божіею помощью дѣло устроится.

Когда я Вамъ писала о возвращеніи Титова въ Россію, Вы уже извѣщали меня объ его пріѣздѣ въ Троицкое. Я очень рада, что онъ началъ съ этого, такъ какъ это произведетъ хорошее впечатлѣніе въ обществѣ; но, между нами сказать, онъ не иначе вернется, какъ отъ неудовольствій. Если онъ въ Москвѣ, я бы желала, чтобъ онъ тамъ и оставался; не знаю почему, но мнѣ не хочется его присутствія здѣсь. До смерти боюсь его пустыхъ упрековъ. Съ меня довольно сдачи Дрездена, чтобъ обойтись безъ новаго вздора. Ахъ, Ты Господи! да удержите его въ Москвѣ, если это возможно.

Вашимъ разговоромъ о Вандамѣ я угостила гр. Строганову и ея гостей, обѣдая у ней въ среду. Сначала всѣмъ показалось все это приключеніе очень забавнымъ, но трагическій конецъ курицы измѣнилъ настроеніе. „Это чисто по Вандамовски“, вскричали всѣ. Долго-ли будетъ у Васъ эта жалкая личность? Развѣ нельзя его выпроводить куда нибудь подальше? Продолжаетъ-ли онъ бывать у Корсаковой? Москва и большая часть ея обитателей, скажу Вамъ, отвратительны въ этомъ отношеніи. Здѣсь тоже принимаютъ нѣкоторыхъ плѣнныхъ, но, за исключеніемъ жены кн. Михаила, всѣ прочіе чувствуютъ какую-то неловкость, выставляя причины, заставляющія ихъ принимать того или другого изъ этихъ господъ.—Я провела одинъ вечеръ съ Дюбуромъ въ уголочкѣ большой гостиной кн. Голицыной. Было очень много гостей въ этотъ день, и я пріѣхала у камина, куда и онъ прішелъ. Въ этотъ разъ онъ не касался ни рукъ, ни ногъ, и мнѣ было пріятно разговаривать съ нимъ.

Бѣдняга живетъ иллюзіями, но у меня не хватило духу отнять ихъ у него, при его положеніи! Я слушала его съ большимъ интересомъ, и менѣ чѣмъ въ часъ времени г-нъ Дюбуръ возстановилъ Людовика XVIII, казнилъ Бонапарта и очистилъ Европу отъ всѣхъ королей, которыхъ онъ создалъ. Случись тутъ, въ этотъ же вечеръ, г-нъ Мельвиль и любезнѣйшій Крестинъ, часы не пробили бы еще полночи, какъ дѣло казалось бы совсѣмъ уже оконченнымъ. А пока, что скажетъ любезный Крестинъ о нашемъ соглашеніи съ Мюратомъ? Дѣло рѣшенное; самъ Государь писалъ объ этомъ, прибавляя, что сдѣлалось это противъ его воли! Значить, Австрія вмѣшалась тутъ, забывая при этомъ, что Неаполитанскимъ королемъ можетъ быть только супругъ королевы Обѣихъ Сицилій, внучатной тетки и тещи Австрійскаго Императора! Однимъ словомъ ея права, какъ видно, не хотятъ поддерживать. и не долго думая, примиряются съ нарушеніемъ законныхъ правъ. Что до меня, я никогда не стала бы договариваться съ Мюратомъ, и

изъ за 40 тыс. человекъ, которые онъ общаетъ, и которыхъ у него можетъ и не будетъ, я не рѣшилась бы запятнать священный и правый союзъ, какимъ былъ по сіе время союзъ трехъ государей. Лордъ Каслри отправился въ главную квартиру, но неизвѣстно съ какою цѣлью. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ курьера. Онъ долженъ привезти интересныя извѣстія; вѣроятно уже вступили во Францію.

Прощайте; я ужъ ничего не вижу. Если что узнаю въ теченіе дня, то припишу словечко завтра утромъ.

Р. S. Прибылъ курьеръ отъ 23-го Декабря. Нашъ Императоръ былъ еще въ Фрейбургѣ, но собирался въ Базель. Фортъ-Луи *) взятъ, а въ Женевѣ отбито 108 пушекъ. Во Франціи всѣ въ движеніи; изъ провинцій переселяются въ Парижъ, гдѣ, какъ увѣряютъ, начинаютъ уже тоже смущаться. Бонапартъ, чтобъ успокоить народъ, посѣщаетъ театры и часто показывается на улицахъ. Онъ снова говорилъ рѣчь законодательному корпусу, приписывая свои неудачи измѣнѣ всѣхъ своихъ союзниковъ и приводилъ на память свои прежнія побѣды, которымъ вся Европа удивлялась.

M-me de Нуазевиль скажетъ Вамъ обо всемъ прочемъ, такъ какъ она будетъ писать Вамъ. Она рассказала мнѣ исторію Вашей маски; это очень мило и остроумно. Если я когда либо поѣду въ маскарадъ, я поступлю совершенно такъ же. Прощайте.

Крестинъ.

Москва. 22-го Января 1814.

Начну съ благодарности за Соню Шиллеръ, которая подумаетъ, что сами ангелы заботятся о ней, когда увидитъ Васъ у своего пастора; да она и не ошибется въ этомъ. Что касается до племянницы Эртеля, если онъ, при своемъ богатствѣ о ней не заботится, то Вамъ, я увѣренъ, удастся набрать у друзей тѣ 400 или 500 р., которые нужны для платы за ея ученіе. Какъ не устроиться такому доброму дѣлу. Отлично сдѣлали, обратившись къ дочери Маркова; она предобрая и навѣрное выпроситъ у отца *одинъ процентъ съ восьми* въ бостонѣ; это самая малость изъ того, что онъ можетъ сдѣлать и, конечно, онъ не откажетъ ей въ этомъ. Сообщите мнѣ результатъ этого добраго

*) Небольшая крѣпость около Страсбурга, на Нижнемъ Рейнѣ, первоначально воздвигнутая Вобаномъ.

дѣла и какая въ немъ доля Варвары! Мнѣ такъ сдѣлалось смѣшно отъ гнѣвнаго взора Вашей горничной, испугавшейся, какъ-бы Вы не взяли еще другую воспитанницу! У меня былъ лакей, подобный ей, удерживавшій меня въ такихъ же случаяхъ, но я кончилъ тѣмъ, что выпроводилъ его, чтобы поступать, какъ мнѣ хочется. Но, конечно, можно было призадуматься объ отвѣтственности, которую Вы на себя брали, и которую пришлось бы довести до конца, т. е. выдать замужъ Вашу воспитанницу, или дожидаться, что она сама выйдетъ и, какъ это часто случается, выйдетъ неудачно.

Повсюду спрашиваю о Титовѣ; никто ничего объ немъ не знаетъ. Рязань не на краю свѣта, и въ случаѣ, что онъ умеръ, объ этомъ стало бы извѣстно. Я, по одинаковымъ съ Вами причинамъ, боюсь его присутствія въ Москвѣ. Графиня сердита, это ясно; она до сихъ поръ живетъ въ комнатѣ дочерей, что мнѣ мѣшаетъ оставаться у ней по уходѣ гостей, какъ ей это хотѣлось бы, для того, что-бы я ей откровенно высказался на счетъ многоаго; а развѣ мнѣ мыслимо говорить при Евдокии, которая на другой же день разболтала бы все Пушкиной, или какой другой изъ своихъ пріятельницъ, что дало бы поводъ къ сплетнямъ. Меня это стѣсняетъ, признаюсъ Вамъ, и пока графиня не перейдетъ на свою половину, я буду у ней, какъ бы при гостяхъ. У ней привычка постоянно разспрашивать, а я отвѣчаю тогда только, когда знаю, что это не пойдетъ дальше. Она, какъ кажется, считаетъ своихъ дочерей осторожными, но кто же, Господи, остороженъ въ 16—17 лѣтъ? Къ тому же всѣ ея вопросы дѣлаются изъ любопытства, не приправленнаго довѣріемъ, и мы съ ней расходимся во многихъ существенныхъ пунктахъ, гдѣ я не могу уступить. Такъ, напр., она что-то имѣетъ противъ М-me de Нуазевиль, а я не могу ей простить этого. Она признаетъ за ней умъ; какъ будто все дѣло въ одномъ умѣ, и за эту уступку графиня хочетъ, чтобы я согласился съ ней, что М-me de Нуазевиль увлекаетъ княженъ на неосмотрительные поступки. Я же по совѣсти убѣжденъ въ противномъ и буду отстаивать это противъ всѣхъ. Впрочемъ, что мнѣ и графинѣ до дѣлъ кн. Голицыной и М-me de Нуазевиль, которая была бы совершенствомъ, еслибы проводила всѣ вечера въ гостиной гр. Толстой. Вѣдь графинѣ она не нравится только, пока она въ Петербургѣ. Повторяю, графиня въ досадѣ, въ сильной досадѣ. Надѣюсь, что это пройдетъ, потому что я еще не чувствую себя у ней твердо, по прежнему. Конечно, все это между нами.

Вандама уже нѣтъ въ Москвѣ; онъ мчится на почтовыхъ по Сибирской дорогѣ, по повелѣнію самого Государя, выразившаго при

этомъ свое неудовольствіе, что Вандамъ былъ принять здѣсь въ обществѣ. Досталось и Волкову, который всюду его вводилъ, а теща его будетъ теперь скучать, лишившись такого пріятнаго собесѣдника. Нужна осторожность въ манерѣ, какъ себя держать съ плѣнными, и всего было бы лучше не видѣть ихъ вовсе. Нужно помнить при этомъ, что настоящая война не была обыкновенной войной между двумя цивилизованными народами: это просто разбойники, приведенные другимъ разбойникомъ на грабежъ и расхищеніе, и ихъ можно считать товарищами новаго Пугачева. Нужды нѣтъ, что между ними громкія фамиліи; тѣмъ больше преступны тѣ, которые, принадлежа къ такимъ, забыли свой долгъ передъ предками и законными государями и предались этому гнусному губернатору. Онъ по всѣмъ вѣроятіямъ погибнетъ, какъ послѣдній каторжникъ.

Конечно, трактатъ съ Мюратомъ менѣе почетенъ, чѣмъ политиченъ; но если онъ можетъ послужить для уничтоженія чудовища, поступаютъ хорошо, заключивъ его. Въ концѣ концовъ, и Мюрату не избѣгнуть заслуженной судьбы за одно съ его шуриномъ. Я увѣренъ въ реакціи, которая каждаго изъ этихъ господъ водворитъ на ихъ мѣста, волей или неволей. Рѣчь Наполеона въ законодательномъ корпусѣ похожа на лебединую пѣснь; ему хочется, чтобъ его считали Титомъ или Маркомъ-Авреліемъ, тогда какъ онъ только *Неронъ въ смятеніи*, тщанійся продлить нѣсколькими минутами свое жалкое существованіе. Вы видите, что союзники нигдѣ не встрѣчаютъ сопротивленій, и что послѣдній наборъ не такъ-то легко дѣлается, какъ этого опасались.

Въ Швейцаріи контръ-революція совершилась. Лагарпа это должно было привести въ бѣшенство. Ферье, Бува и старикъ Орнонъ плакали отъ радости, прочитавши въ посланной имъ мною газетѣ, что Женева взята безъ кровопролитія.

Хотите Вы знать, кто была моя маска въ день новаго года? Я Вамъ шепну это: это была наша *doyenne*, давно прозванная Царь-Дѣвица, однимъ словомъ, M-elle Самарина. Можете-ли Вы это понять, что она, въ ея годы, продолжаетъ маскироваться, не подвинувшись нисколько въ искусствѣ интриговать. Не выдавайте ее, пожалуйста; нужно же ей оставить хоть это маленькое удовольствіе, за неимѣніемъ у ней никакихъ другихъ.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ. 18-е Января 1814 г.

Я получила Ваше письмо отъ 8-го числа, а сегодня и Вашу записочку отъ 12-го; благодарю Васъ за то и другое. Содержание

Вашего письма прелестно: такой любезной бессонницы никто, я думаю и не видывалъ. Исторія Вашихъ 48-ми часовъ такъ и просится въ сборникъ избранныхъ писемъ, а такъ какъ я кокетничаю Вашимъ умомъ на подобіе какой нибудь матери, у которой есть красивая дочь, я не преминула похвастать имъ и угостила гр. Строганову Вашимъ описаніемъ этихъ двухъ сутокъ. Ее очень позабавили оба Валаха, навязавшіеся къ Вамъ на цѣлый день, а также и балъ въ собраніи и, какъ финаль,—маскарадъ. Всѣ очень посмѣялись всему этому. Я же очень пожалѣла Васъ; вѣдь, какъ ни взять, работа была не изъ легкихъ! Но я очень хорошо понимаю, какъ Вы дали себя увлечь: это такъ естественно, когда человѣкъ по натурѣ своей обязателенъ. Я уже потеряла это достоинство, и безъ всякихъ церемоній отстаиваю свои вкусы, и какъ ни упрашивала меня кн. Голицына быть на ея балѣ въ пятницу, я выдержала и на отрѣзъ отказалась. Точно такъ же поступила я съ *Princesse Woldemar*, праздновавшей свои именины большимъ вечеромъ. Страхъ встрѣтить тамъ весь городъ заставилъ меня пренебречь всякими приличіями и ограничиться письменнымъ поздравленіемъ; и я просидѣла весь вечеръ у себя въ уголкѣ. Встрѣтивши ее сегодня за обѣдней у Голицыныхъ, я обмерла со страху, но получила милостивое отпущеніе, такъ какъ она знаетъ, какъ я охотно бываю у нея, когда она одна, что я и доказываю, бывая у нея не менѣе одного раза въ недѣлю. Нѣтъ, милостивый государь, съ меня довольно свѣта. Я не переносу уже болѣе гостинныхъ, освѣщенія, музыки, гуалетовъ! Я устаю подъ часъ отъ 5—6 человѣкъ. Судите же, что бы это было отъ ста! По службѣ я должна являться при Дворѣ, безъ чего ноги моей не было-бы тамъ. Вотъ уже три дня, какъ я въ скверномъ расположеніи: какая-то грусть, на сердцѣ тяжело и все бы я плакала; отчасти, это отъ нервовъ, но мнѣ сдается, что этимъ я и кончу мою жизнь, и, умирая, буду чувствовать то же, что теперь. Я не знаю, какъ назвать такое состояніе: это не болѣзнь, не какое нибудь недомоганіе! Не вздумайте уже оплакивать меня; я можетъ быть еще долго проживу, а главное, не говорите обо всемъ этомъ никому. Если Вы скажете гр. Толстой, что получили отъ меня письмо, она можетъ попросить Васъ показать ей его, и Вамъ будетъ трудно отказать ей въ этомъ; поэтому я предпочитаю, чтобъ Вы вовсе не говорили ей о немъ. Къ четвергу мнѣ будетъ лучше, и тогда я ей непременно напишу. У меня предчувствіе, что Титовъ умретъ; съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что онъ боленъ, я перебираю въ памяти все, о чемъ мы съ нимъ говорили въ послѣдній разъ, что видѣлись. Намъ часто приходилось разставаться, но я никогда не видѣла его такимъ грустнымъ, какъ при послѣднемъ его отъѣздѣ изъ Петербурга.

Онъ прямо отъ меня пустился въ путь, и я не могу забыть его послѣднихъ словъ, его послѣдняго взгляда. Право, мнѣ кажется, что я его уже никогда не увижу. Мнѣ будетъ тяжело, если окажется, что онъ заслужилъ неудовольствіе гр. Толстой, которую онъ такъ сильно любилъ! Вы знаете, какъ онъ былъ привязанъ къ ея мужу, и какъ будетъ ужасно, если это измѣнилось: но увы! столько на свѣтѣ мѣняется!

Сегодня у Голицына была чудная проповѣдь, сказанная замѣчательно краснорѣчивымъ архимандритомъ Филаретомъ. Слушателей было много, и всѣ разошлись растроганными до глубины души. Гр. Бутурлинъ перевелъ уже нѣсколько изъ его проповѣдей; но Французскій языкъ такъ слабъ въ сравненіи съ величественно умилительнымъ Славянскимъ текстомъ! Сегодняшняя проповѣдь была о покаяніи и началась словами: „*ласъ вопіющо въ пустыни*“. Предметъ былъ хорошо разъясненъ, прослѣдованъ, а конецъ былъ удивительный, какъ что-то новое, такъ какъ Филаретъ закончилъ свое слово вопросомъ, какъ бы вызывавшимъ во всѣхъ слушателяхъ чистосердечный отвѣтъ.

Кстати, о проповѣдяхъ: какъ только наступить постъ, я примусь за Вашего Бурдалу.—Сегодня утромъ прибылъ курьеръ, все еще изъ Лераха. Берлинская газета сообщаетъ коварную рѣчь Фонтана въ Сенатѣ и рѣчь Ласепада съ отвѣтомъ на нее Наполеона, въ которомъ онъ прямо говоритъ, что теперь ужъ не до возврата прежнихъ владѣній, когда нужно прежде всего очистить Французскую территорію отъ занявшихъ ее иноплеменниковъ. Онъ призываетъ провинціи на помощь своей семьи т. е. *Французскаго народа*, такъ какъ Брабантъ, Эльзасъ, Франшъ-Конте и Беарнъ уже прорваны. Онъ какъ будто сознается въ своихъ ошибкахъ, но смущаетъ душу, напирая на поведение союзниковъ, противорѣчащее съ проповѣдываемой ими *умиренностью*. Однимъ словомъ, дѣла его плохи. Но я все же повторяю: не нужно Людовика XVIII. Бонапартъ заключить миръ, конечно невыгодный для него миръ, но онъ согласится на него, и миръ будетъ заключенъ ни съ кѣмъ другимъ, какъ съ нимъ. Давайте держать пари!

M-me de Нуазевиль напишетъ Вамъ подробнѣе обо всемъ, что я пишу, такъ какъ она прочтетъ сегодня вечеромъ у Бутурлина всѣ прокламаціи; она повезла къ нему Дюбура и Латуръ-д'Овернья.—То, что Вы мнѣ пишете о Вашей кузинѣ, какъ противоположность Санта-Кроче, прелестно. Бретонецъ мой, признаюсь, немного провинціалъ, но

я имъ теперь больше довольна; онъ пересталъ дѣлать комплименты, забылъ мои руки и ноги и этимъ пріобрѣлъ мои уши, такъ что я слушаю всѣ мечты его воображенія, и слушаю, какъ нельзя болѣе любезно.

Онъ честный человѣкъ и не виноватъ въ томъ, что ему не дали лучшаго воспитанія. Но я довольна тѣмъ, что Вы меня поняли на счетъ его глупаго комплимента, такъ меня поразившаго. Пора мнѣ и ко сну: я пишу Вамъ въ часъ ночи, такъ что могла бы выставить 19-ое число. Тетушка продолжаетъ писать мнѣ самыя любезныя о Васъ вещи. На маскарадѣ у Позднякова Вы оказали какія то услуги ея племянникамъ, молодымъ кн. Черкасскимъ, очень Вамъ за это благодарнымъ, а тетушка также приняла это къ сердцу. Если почувствую себя лучше завтра, можетъ напишу гр. Толстой.

КРИСТИНЪ.

Москва. 29 Января 1814.

Будьте спокойны, я Вашихъ писемъ не ношу къ гр. Толстой, а когда она спрашиваетъ, писали ли Вы мнѣ, я отвѣчаю да или нѣтъ, смотря по тому, какъ оно есть и передаю ей изъ нихъ только то, что считаю возможнымъ, такъ напр. Ваши похвалы гр. Толстому, какъ мужу, чѣмъ она была очень польщена:

Я кажется, писалъ уже Вамъ, что нахожу графиню слишкомъ много выпрашивающей и не согласную со мной въ нѣкоторыхъ вещахъ, о которыхъ я и избѣгаю говорить. А когда она снова заводитъ о нихъ рѣчь, сильно налегая, я начинаю рѣже бывать у ней. Она догадывается, чтò тому причиной, и въ слѣдующее мое посѣщеніе все сходитъ прекрасно. Она хорошій человѣкъ, но увы! какъ и каждый, имѣетъ свои слабости и несетъ на себѣ печать жалкаго человеческого естества.

Послѣ долгаго молчанія, гр. Толстой написалъ своей женѣ; онъ подъ Гамбургомъ и мнѣ сдается, что онъ очень тяготится своимъ положеніемъ. Но вѣдь нужно же кому нибудь быть въ арьергардѣ! А если ему удастся захватить Даву съ его 20 тыс. разбойниковъ, добыча будетъ важная. У меня было одинаковое съ Вами предчувствіе на счетъ болѣзни Титова, котораго я считалъ приговореннымъ. Слава Богу! мы ошибались: онъ поправляется и хотя выздоровленіе будетъ медленное, но опасность прошла. По всему видно, что онъ дурно разстался съ гр. Толстымъ, но Вы увидите, что по ихъ возвращеніи

графиня все это уладить и что все будетъ скрыто отъ общества, что очень желательно. Она мнѣ прочла письмо своего мужа, и все что онъ пишетъ, можно вывѣсить на улицахъ; за исключеніемъ Алексѣя онъ никого не называетъ изъ окружающихъ его.

Прежняя дерзость Бонапарта менѣ возмущала меня, чѣмъ низость его рѣчи къ Сенату. Сперва онъ вселялъ во мнѣ отвращеніе, теперь я глубоко презираю его. Онъ напоминаетъ преступниковъ, которые дерзки до произнесенія надъ ними приговора и плачутъ, идя на казнь. Не могу допустить, чтобъ миръ былъ заключенъ съ этимъ обнаруженнымъ извергомъ. Чтобъ заслужить прощеніе Франціи, Европы и потомства, его соучастники должны безъ промедленій уничтожить его. Есть еще и другое, почему нельзя заключать съ нимъ мира: вѣдь оставляя его царствовать, этимъ обмануть надежды всѣхъ народовъ, когда такъ легко теперь вычеркнуть его изъ числа государей, которые не жалѣли усилий и жертвъ, чтобы свергнуть иго этого тирана. Увѣряютъ, что его братъ Іосифъ отрекся, и я жду, что онъ послѣдуетъ его примѣру, не сумѣя умереть на тронѣ и предпочитая послѣдовать примѣру короля Θεодора, умершаго въ госпиталѣ, въ Лондонѣ.—А я вѣроятно умру въ *Quinze—Vingts* *), если мои глаза не поправятся скоро. Они у меня, вотъ уже 5 дней, какъ опухли, воспалены, слезаются и слезятся, что очень скучно, такъ какъ мнѣ запрещаютъ читать и писать. Но я не очень-то повинуюсь въ этомъ моему главному доктору. Развѣ можно обойтись безъ книгъ и перьевъ. Когда я былъ лишенъ этого въ продолженіе 18 мѣсяцевъ, сидя въ одиночномъ заключеніи по милости этого милаго Бонапарта, я былъ близокъ къ сумасшествію; и въ какое еще время сидѣлъ я: во время дѣла Моро, убійства герцога Ангіенскаго и Пишегрю, въ это ужасное для воспоминаній время!

И такъ—идеть, княжна, я согласенъ на предлагаемое Вами пари на счетъ Бурбоновъ; т. е. я бьюсь объ закладъ, что Бурбоны будутъ снова призваны на тронъ, какимъ бы то ни было способомъ. Если выиграю я, Вы мнѣ вышлете портфель—золотыя лиліи по чудесному бѣлому атласу; если же я проиграю, я Вамъ поднесу такія же лиліи, но бѣлыя и на черномъ крепѣ. Но Вы увидите, что Вы проиграете!—Простите за краткость моего письма; еслибъ я могъ кому диктовать, я написалъ бы Вамъ цѣлыя тетради, потому что сегодня время у

*) Больница, основанная въ Парижѣ Людовикомъ Святымъ, для 300 дворянъ, которымъ Сарацины выкололи глаза.

меня есть, но глаза не служатъ. Въ общемъ здоровье мое хорошо, только все же сказывается наступающая старость, со всѣми ея прелестями. Пусть пожалуетъ; вѣдь у меня есть средство избѣгнуть ея: умереть, вотъ это средство.

Мнѣ страшно хочется пойти поблагодарить Вашу тетушку за все, что она Вамъ обо мнѣ пишетъ, но меня не выпускають, пока не поправятся глаза; но я подымусь все же къ Бахметеву: это нельзя считать за выѣздъ.

Знакомы-ли Вы съ нимъ? У него одна женская прислуга; за столомъ не видно ни одинаго лакея. Въ Россіи это кажется страннымъ, но такъ какъ въ Швейцаріи у всѣхъ такъ принято, то меня это и не удивляетъ. Говорятъ, что эти дѣвушки (ихъ 12) были красивы десять лѣтъ тому назадъ; но въ настоящее время онѣ посостарились. Одна изъ нихъ съ большими усами; можетъ они у ней оттого, что она исполняетъ мужскую должность.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 26-ое Января 1814 г.

Я чувствую себя сегодня лучше, чѣмъ недѣлю тому назадъ и нервы мои поуспокоились. Утромъ я выѣзжала, а теперь пользуюсь свободнымъ до обѣда часикомъ, чтобъ написать Вамъ нѣсколько словъ. Одновременно съ Вашимъ письмомъ отъ 15 получила отъ гр. Толстой что-то въ родѣ записочки. Она очень груститъ, жалуется, что два мѣсяца не получаетъ никакихъ извѣстій и злѣйшему своему врагу не пожелаетъ быть въ ея настоящемъ положеніи.

Я вполне понимаю и сочувствую ей, но къ сожалѣнію, ничего не могу ей сообщить объ ея мужѣ; объ немъ ничего не слышно, точно будто онъ не въ Германіи на войнѣ, а въ Америкѣ. Объ Титовѣ графиня не обмолвилась ни единымъ словомъ, изъ чего я вижу, что ихъ свиданіе если не было бурнымъ, то все же не изъ пріятныхъ. Я не перестаю сокрушаться объ этомъ миломъ человѣкѣ. Его можетъ не было въ живыхъ, когда я Вамъ писала, что не желаю его видѣть въ Петербургѣ. Увѣряю Васъ, что его кончина очень огорчить меня; онъ былъ очень ко мнѣ привязанъ и я его тоже любила, и не отъ меня зависѣло, чтобъ онъ сдѣлался моимъ зятемъ. Съ нетерпѣніемъ жду писемъ отъ 19-го; можетъ узнаю изъ нихъ объ немъ. Передала-ли Вамъ M-elle Бридель мое порученіе? Я все забывала спросить у Васъ

объ этомъ. Вотъ въ чемъ дѣло: Вы знаете аббата Малерба, пожалуйста поговорите ему о моей старой гувернанткѣ, г-жѣ Еверсъ, живущей во дворѣ католической церкви; попросите, ради Бога, чтобъ не стали ее беспокоить на счетъ ея квартиры, чтобъ не придирались къ ней. Я знаю, что и съ аббатомъ будетъ тоже, что со всякимъ человѣкомъ, поступающимъ на должность: онъ раздѣлитъ съ прочимъ смертнымъ страсть къ нововведеніямъ. Наблюдайте же, пожалуйста, чтобъ при перемѣнахъ, могущихъ произойти въ управленіи церкви, моихъ Еверсъ оставили бы въ ихъ квартирѣ. Я буду Вамъ очень благодарна за малѣйшія Ваши хлопоты по этому дѣлу.

Всѣ новости, привезенныя курьеромъ, отправленнымъ изъ Монбеліара 5-го, Вамъ извѣстны; наши аванпосты въ Труа, что очень близко отъ Парижа. Вѣдь кажется, Господи, такъ легко дойти до этой столицы, а между тѣмъ.....! Тѣмъ временемъ здѣсь несутъ всякій вздоръ: одни говорятъ, что Бонапартъ арестованъ Сенатомъ, другіе, — что онъ бѣжалъ въ Америку, а нѣкоторые утверждаютъ что Людовика XVIII просили пожаловать въ главную квартиру. Я ничему изъ этого не вѣрю, но дѣло зашло такъ далеко, что нужно ожидать какого нибудь рѣшенія.

Вы чудесно устраиваете дѣла гр. Маркова, и домъ его, приносящій 15 т. дохода, стоитъ имѣнія. Онъ долженъ быть Вамъ очень благодаренъ. Я его видѣла третьяго дня, но мы объ этомъ не говорили: онъ сидѣлъ въ одномъ уголкѣ за шахматами съ герцогомъ Полиньякомъ, а я, какъ Золушка, въ другомъ, у камина, большую часть времени одна, съ моей работой и съ мыслями. За минуту передъ ужиномъ я присѣла къ нему, онъ предложилъ подвезти меня домой и мы храбро отправились вмѣстѣ.

Въ Петербургѣ, съ новаго года не перестаютъ танцовать, точно будго укушенные тарантуломъ; балы ежедневно; на этой недѣлѣ будетъ что-то особенное, повсюду будутъ Бицы. Въ пятницу балъ у кн. Голицыной по случаю дня рожденія Татьяны, которая затмитъ своимъ появленіемъ всѣхъ здѣшнихъ красавиць. Я, какъ не танцующая больше, отправлюсь на болѣе спокойный вечеръ къ Гурьевой, а можетъ къ леди Саррѣ Литльтонъ, которая не любитъ засиживаться до глубокой ночи и можетъ быть проводить вечеръ дома. Но знаете-ли Вы эту даму! Говорила-ли я Вамъ о ней; мнѣ кажется, что я называла уже. Во всякомъ случаѣ, Вы ее увидите въ Москвѣ и найдете ее очень пріятной. какъ и ея мужа, вполне порядочнаго человѣка. Оба они

люди хорошаго тона. Прощайте, будьте здоровы, веселитесь, если можете и потрудитесь послать это письмо къ тетускѣ, сердцемъ которой Вы вполнѣ овладѣли.

КРИСТИНЬ.

Москва, Понедѣльникъ 2-ое Февраля 1814 г.

Я только вчера, возвратившись домой очень поздно, получилъ свои письма и въ ихъ числѣ Ваше, отъ 26-го. Я Вамъ отвѣчаю по четвергамъ, но мнѣ необходимо поговорить съ Вами, какъ съ чело-вѣкомъ, который лучше всякаго пойметъ мое огорченіе.

Я Вамъ писалъ, что графиня въ дурномъ расположеніи духа, что перешло отчасти и на меня. 25-го она получила письмо отъ своего мужа, очень ее облегчившее и послѣ котораго она въ продолженіе 3 дней была, какъ прежде бывала. Въ среду 28-го, въ день рожденія Сашу, которому минуло 13 лѣтъ, ему за обѣдней сдѣлалось дурно, а на пятый день, у него открылась сильная горячка, смущающая даже доктора и приведшая бѣдную мать въ ужасное состояніе. Она не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ; ей кажется, что ея любимое дитя будетъ у ней отнято за то, что она его предпочитала всѣмъ прочимъ дѣтямъ, и ее нельзя ничѣмъ утѣшить, такъ ей кажется, что ребенокъ ужъ въ агоніи, тогда какъ крайней опасности еще нѣтъ. Она не отходитъ отъ него ни днемъ, ни ночью; я было предложилъ ей въ часъ ночи посидѣть вмѣсто нея, дабы она хоть немного прилегла, но она не захотѣла и слушать меня; если такъ продлится, она непременно заболѣетъ: только съ желѣзнымъ здоровьемъ можно выдержать все, что она терпитъ. Кибальдичъ очень беспокоится, что каждое утро у Сашу сильное кровотеченіе носомъ, а иногда и горломъ, а къ этому у него судороги, что заставляетъ опасаться нервной горячки. Меня не менѣе доктора смущаетъ блуждающій, тупой взглядъ Сашу, хотя онъ не жалуется на боли ни въ головѣ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, а только мечется и стонетъ и раздраетъ этимъ сердце матери. Я буду Вамъ сообщать о перемѣнахъ, которыя произойдутъ.—Титовъ, дѣйствительно, на полномъ пути къ выздоровленію.—Объ М-те Евверсъ мнѣ говорила М-ме Бридель, но я не разобралъ, о чемъ нужно было ходатайствовать у патера и забылъ спросить у Васъ объ этомъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Теперь, что я знаю въ чемъ дѣло, я сегодня же поѣду къ аббату Малербу, котораго я мало встрѣчалъ, но который говоритъ всѣмъ, что очень любитъ меня. Я Вамъ могу заранѣе сказать, что онъ и не думаетъ о повышеніи платъ за квартиры, а наоборотъ, онъ одинъ противъ безчеловѣчной, при настоящихъ обстоя-

тельствахъ, мѣры. Я непременно повидѣю его сегодня же и горячо порекомендую ему Еверсовъ.—Леди Сарра Литльтонъ мнѣ известна только по ея прогулкѣ по бульвару въ 29-ти градусный морозъ, отъ котораго она чуть не умерла. Кн. Голицына упоминала объ ней въ своихъ письмахъ, но Вы ни разу. Я буду очень радъ познакомиться съ ней, но зачѣмъ ей понадобилось ѣхать въ Москву.— Не считайте настоящія строки за письмо; я такъ разстроены страданіями бѣдной матери, что мнѣ было необходимо подѣлиться ими съ Вами, только поэтому я и взялся за перо. Вчера гр. Толстая говоритъ мнѣ: „видитъ Богъ, я даже самому Бонапарту не пожелаю пострадать и четверти часа, какъ я теперь страдаю“. Сейчасъ пришли мнѣ сказать, что Сашу легче. Богу хвала, и пошли онъ намъ, чтобъ такъ и продолжалось! Прощайте, ѣду къ аббату. Весь Вашъ. А какъ интересны всѣ новости теперь, и какъ онѣ съ каждымъ днемъ будутъ еще интереснѣе. Я не въ состояніи выразить, чтѣ я чувствую, ожидая рѣшительнаго момента.

Онъ же.

Москва, вторникъ 3-го Февраля 1814.

Я вамъ писалъ вчера о болѣзни Сашу, у котораго я провелъ весь вечеръ, но представьте себѣ какое новое горе для матери: заболѣла Соня! Вчера она только жаловалась на легкую головную боль, сегодня она уже слегла. Кибальдичъ боится, какъ бы у ней не было того же, что у брата, но до завтра онъ не можетъ ничего опредѣлить точно. А на счетъ Сашу, онъ сегодня при мнѣ объявилъ матери, что у него нервная горячка. Ее такъ сразило это ужасное слово, что я такъ и ожидалъ, что она упадетъ. Я боюсь, она сама заболѣетъ съ этого. Доктора тревожитъ положеніе Сашу, хотя, пока, и не отчаянное, но такъ какъ жаръ у него все увеличивается, а силы слабѣютъ, нельзя ни за что ручаться. Кризисъ наступитъ на 14-ый день, а сегодня только 7-ой. Каково же будетъ выжидать этотъ срокъ. Письмо мое пойдетъ только послѣ завтра въ четвергъ, но такъ какъ я обязанъ сидѣть дома сегодня вечеръ, изъ за этого глупаго собранія, такъ неподходящаго къ настоящимъ обстоятельствамъ, я пользуюсь этимъ временемъ, чтобъ описать Вамъ все происходящее. О графинѣ Толстой я не пишу вамъ; Вы знаете какъ она нѣжно любитъ Сашу и Соню и именно они такъ жестоко заболѣли. Сонѣ поставили мушку; завтра выяснится ея болѣзнь. По несчастью, никого изъ друзей гр. Толстой нѣтъ въ Москвѣ; Кн. Варвара Гагарина больна, у Протасовой боленъ сынъ, а прочіе—обыкновенные знакомые, которыхъ она не принимаетъ, а между тѣмъ ее облегчало-бы дѣлиться съ друзьями своимъ горемъ.

Я только сегодня могъ повидать аббата Малерба, который тутъ только вспомнилъ, что непростительно виновать передъ Вами, княжна, не отвѣтивши еще Вамъ. Онъ ручается, что никто изъ квартирантовъ не будетъ потревоженъ и набавокъ на квартиры не будетъ. Члены совѣта хотѣли набавить, но аббатъ возсталъ противъ этого рѣшительно. Объ Еверсахъ ему говорили съ наилучшей стороны, и онъ готовъ сдѣлать для этихъ старичковъ все отъ него зависящее, чтобъ быть Вамъ пріятнымъ, княжна. Я воспользовался близостью и провѣдалъ Еверсовъ, которыхъ засталъ за обѣдомъ, такъ какъ было 12 часовъ. Мнѣ казалось, что передо мной Филемонъ и Бавкида; я назвалъ себя; Еверсъ переспросилъ у меня мою фамилію, но и это не подвинуло дѣла и только когда я сказалъ, что я по вашему порученію, тогда меня закидали вопросами и были чрезвычайно любезны, но по крайней мѣрѣ полчаса ушло на то, чтобъ они поняли, что я не изъ Петербурга пріѣхалъ, а какъ и они, живу въ Москвѣ и только въ перепискѣ съ Вами. Мы много толковали объ ихъ дѣлахъ, которые далеко не блестящи. Помочь имъ будетъ дѣломъ легкимъ, если Вы мнѣ позволите дѣйствовать отъ Вашего имени; иначе изъ опасенія ихъ обидѣть, я буду чувствовать себя стѣсненнымъ, а дѣлая все отъ Васъ, и я, и они будемъ безъ всякихъ стѣсненій. Они уже сказали мнѣ, что Вы взяли на себя половину ихъ платы за квартиру и за прислугу. Остальное устроится тотчасъ же. Я пошлю имъ запасъ кофе, такъ какъ они изъ экономіи пьютъ только цикорій, присоединю къ этому сахару и разной другой провизіи, и на всякій случай у меня всегда готова для нихъ сотенка рублей; но все это отъ Вашего имени, и *должно остаться между нами*. Что же можетъ быть проще и справедливѣе помощи старымъ людямъ, не имѣющимъ подъ закатъ своихъ дней самаго необходимаго на жизнь: они сами признались мнѣ въ этомъ.

Онъ же.

въ 11 часовъ вечера.

Я пришелъ изъ собранія, гдѣ отъ толпы страшная духота и давка. Я сошелъ къ себѣ, что-бъ немного освѣжиться и послать узнать, что дѣлается у Толстыхъ. Нынѣшняя недѣля настоящая пытка; непрестанные балы, спектакли, маскарады; Въ четвергъ у Апраксина идетъ Мизантропъ, въ переводѣ Кокошкина, и Адольфъ и Клара, тоже переводное. Такъ какъ я въ этотъ день обѣдаю у Апраксина, то придется пойти на спектакль, но я улизну изъ залы, гдѣ уже трудно будетъ замѣтить, кто тамъ есть и кого нѣтъ, и поѣду къ Толстымъ. Алексѣй Пушкинъ, который никогда не устанетъ отъ веселія, придумалъ напроситься ко мнѣ на чай послѣ собранія черезъ своихъ дамъ, а соб-

раніе кончится около двухъ, трехъ часовъ, что приведетъ меня въ кровать только въ 4 ч. Боже мой, какъ смѣшны молодящіеся старики! Пушкинъ бывшій молодой человекъ, такимъ и останется навсегда. Отъ Толстыхъ мнѣ отвѣчаютъ, что не произошло никакихъ перемѣнъ съ утра: Сонѣ ни лучше, ни хуже.

Онъ же.

Среда 4 ч. дня.

Благодареніе Господу, Соня отдѣляется однимъ испугомъ; но я боюсь, что Сашу поплатится за двоихъ; ему сегодня значительно хуже; ему уже даютъ касторки и камфоры, что-бы поддержать его силы; поставили мушки къ икрамъ; онъ начинаетъ бредить, но бредъ отъ слабости, онъ ни на что не жалуется, только нѣкоторое *задержаніе*, отъ раздраженія мушками. Мнѣ еще не удалось поговорить съ Кибальдичемъ безъ графини, а при ней онъ говоритъ, что не теряетъ надежды; но такъ ли это на самомъ дѣлѣ, или нѣтъ, онъ не можетъ при ней говорить иначе; она еще сегодня говорила мнѣ: если Кибальдичъ сочтетъ необходимымъ сдѣлать консилиумъ, я пойму что это будетъ означать и не переживу этого! При этомъ у ней глаза сухіе и она цѣлый день молится про себя, сдерживая себя при больномъ, котораго докторъ рекомендовалъ не тревожить. Бѣдное дитя! онъ еще сегодня спрашивалъ у меня, можетъ-ли онъ выздороветь? Графиня, подавляя рыданія, не могла произнести ни слова! Евдогія сказала мнѣ такъ искренно, *что пусть лучше Господь ихъ призоветъ всѣхъ, чѣмъ Сашу, любимца матери.* Я сейчасъ опять къ нимъ и завтра утромъ напишу вамъ объ нихъ.

Онъ же.

Четвергъ 5-ое.

Я весь вечеръ провелъ вчера у больного, положеніе котораго очень плохо. Кибальдичъ наказывалъ мнѣ скрывать правду отъ матери до послѣдней возможности, для блага самого ребенка, котораго не нужно пугать: онъ еще не теряетъ надежду спасти Сашу, но не скрываетъ, что опасность увеличилась послѣ того, что онъ обнаружилъ на Сашу красныя пятна, о которыхъ мать и не подозреваетъ. Стараются отдалить отъ больного прочихъ дѣтей, но было бы хорошо удалить и мать. Достаточно Анны Никитичны и Д. которые обладаютъ нужнымъ хладнокровіемъ. Но попробуйте-ка оторвать мать отъ кровати больного! Ему даютъ сильныя приемы мускуса, для поддержанія его силъ. Критическій день наступитъ завтра или въ понедѣльникъ. Я жду самаго худшаго, такіе у Сашу странные глаза; онъ почти не бредитъ, но постоянно какъ бы въ забытьѣ. Случившееся сильное кровотеченіе носомъ только увеличило его слабость. Не могу говорить ни о чемъ другомъ.

Въ понедѣльникъ я Вамъ, вѣрно, сообщу уже что нибудь опредѣленное объ немъ. Настоящее мое письмо не поспособствуетъ къ развлеченію Васъ, но я самъ такъ удрученъ ужаснымъ положеніемъ бѣдной матери! Прощайте. До понедѣльника.

Княжна Туркестанова.

С. Петербургъ, 3-го февраля 1814.

Вы мнѣ простите, что я Вамъ мало напишу, если я Вамъ скажу, что я уже написала 3 письма въ Москву и 2 въ Вѣну. Я хочу только сказать Вамъ, что я получила Ваше письмо отъ 22-го Января. Все, что Вы мнѣ пишете о досадѣ гр. Толстой, меня не удивляетъ. Она никогда не сознается, что она сердится и обижена, хотя чувствуетъ это живо. Меня это очень огорчаетъ, но въ непріятномъ положеніи своего мужа, больше всего она сама виновата. Еслибъ она не помѣшала ему итти за всѣми, т.е. оставила бы его отправиться въ 1812 г. въ Вильну проситься на службу, какъ это сдѣлали Остерманъ и Дмитрій Голицынъ, быть можетъ въ настоящее время его имя было бы занесено въ славныя лѣтописи нашей войны. Но она присовѣтывала совсѣмъ другое, и вотъ какіе тому результаты! Я посылаю ей сегодня письмо, переданное мнѣ Бутурлинымъ, но не знаю отъ кого оно, и желаю, что-бы въ немъ были извѣстія объ ея мужѣ и сынѣ. М-те де Нуазевиль сообщитъ Вамъ всѣ извѣстія, получаемыя съ театра военныхъ дѣйствій.

Государь писалъ Императрицѣ изъ Лангра, что народъ просить не заключать мира съ Наполеономъ и что ему легче содержать всѣ иностранныя арміи, чѣмъ поставлять правительству требуемыя имъ реквизиціи. Однимъ словомъ, Государь добавляетъ, что никогда не повѣрилъ бы всему это, если бъ не слышалъ того собственными ушами. Я прочла 5—6 частныхъ писемъ и всѣ такого-же содержанія. Дмитрій Голицынъ пишетъ, что ему все кажется, что онъ видитъ во снѣ, что онъ во Франціи въ чудномъ большомъ замкѣ кн. де Бофремона (котораго онъ знавалъ въ Парижѣ), у пріятнаго огонька камина, съ дамами довольно дурного тона, такъ какъ владѣлецъ замка сдѣлался камергеромъ Бонапарта и кавалеромъ ордена почетнаго легіона, тогда какъ тутъ же въ гостинной портретъ его отца съ орденомъ св. Духа и золотого руна. Голицынъ увѣряетъ, что очень ошибаются, считая что во Франціи установленъ нѣкоторый порядокъ вещей, котораго и держатся; онъ говоритъ, что на всемъ отпечатокъ революціи, а такъ называемый порядокъ держится только терроромъ. Но онъ говоритъ, при этомъ, что точно такъ же ошибаются, говоря объ убыли народонаселенія: онъ ви-

дѣлъ въ деревняхъ очень много молодыхъ людей. Разговаривая съ народомъ, онъ называлъ имъ Людовика XVIII. Но объ герцога Ангулемскомъ говорятъ охотнѣе и увѣряютъ, что сейчасъ же бы составила роялистская армія, еслибъ только нашелся центръ, вокругъ котораго можно бы соединиться. Я не очень-то понимаю Фрейбургскій конгрессъ; отъ имени кого же стали бы договариваться Талейранъ и Бернонвиль? Мнѣ обидно за Васъ, что Вы въ настоящее время не въ Петербургѣ, гдѣ всегда все больше извѣстно, чѣмъ въ Москвѣ, обо всѣхъ этихъ событіяхъ! Вы такъ ими интересуетесь, что проявили бы больше дѣятельности чѣмъ я, побывавши тамъ и сямъ и разузнали бы многое, что мнѣ, пожалуй, неизвѣстно.

Прощайте, будьте здоровы. Пожалуйста, перешлите тетушкѣ прилагаемое при семъ письмо отъ моихъ сестеръ.

Она же.

Петербургъ, 9-ое Февраля 1814 г.

Здѣсь получены такія чудесныя новости, что мнѣ только остается приняться за работу портфеля съ золотыми лиліями. Вы почти что выиграли, милостивый государь, Ваше пари. Бонапартъ совершенно разбитъ въ Бриенъ-ле Шато; онъ сталъ во главѣ всего войска, которое у него было въ Шалонѣ, атаковалъ Блюхера 19-го, а 21 въ свою очередь испыталъ нападеніе и вынужденъ былъ отступить по всѣмъ пунктамъ. Генералъ Сакенъ, подошедшій на помощь Блюхеру, рѣшилъ это дѣло, которое въ нѣкоторые самые жаркіе моменты, походило на дѣло подъ Бородинымъ. Сакенъ покрылъ себя славою и получилъ голубую ленту на самомъ полѣ битвы. Васильчиковъ ударилъ со всѣмъ своимъ полкомъ и также надѣлалъ чудеса. Государь подѣзжалъ на самые опасныя пункты, и ядра свистѣли около него близко. Да сохранить его намъ Господь! Всѣ, кто его видятъ или соприкасаются съ нимъ, въ восторгѣ отъ него. Онъ истинно Помазанникъ Божій. Графъ д'Артуа давно уже въ главной квартирѣ, и можетъ быть тамъ уже рѣшены важныя вопросы. Въ Франкфуртѣ видѣли его 23-го Января очень поспѣшающаго ѣхать. Вчера мы всѣ лиговали на торжественномъ молебнѣ въ Казанскомъ соборѣ. Кн. де Тарантъ, стоявшая со мной рядомъ, заливалась слезами и не въ силахъ была отвѣтить на приносимыя ей поздравленія, но всѣ ее понимали по тому, какъ она брала всѣмъ руку. Полиньякъ въ упоеніи. Третьяго дня у Голицыныхъ, когда пришло это извѣстіе, тотчасъ же рѣшили сообщить его имъ; г-жа де Нуазевиль написала имъ записочку, мы сѣли обѣдать и когда мы

еще сидѣли за столомъ, герцога Полиньякъ и гр. Діана появились, въ такомъ же настроеніи, какъ г-жа де Тарантъ въ соборѣ: и цѣловались, и говорили, и плакали, все вмѣстѣ. — Идутъ на Парижъ и, вѣроятно, уже вступили въ него. Что съ Бонапартомъ? Гдѣ онъ?... „Видѣхъ несчастиваго превозносящаяся и высящаяся яко кедръ Ливанскія; и мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтесе мѣсто его“.

Вотъ что должно произойти и что можетъ уже совершилось, пока я Вамъ пишу. Всѣ письма, привезенныя послѣднимъ курьеромъ, только и говорятъ о депутаціяхъ, которыя являются просить дать имъ Бурбона. Войска наши встрѣчаютъ съ восторгомъ, и всѣ наши господа пишутъ, что кажется, что они все это видятъ во снѣ. Вы можете говорить что хотите, но во всемъ происходящемъ виденъ перстъ Божій; а кто прожилъ эти два знаменательные года, можетъ громко свидѣтельствовать о видѣнномъ имъ великомъ чудѣ. Я вижу теперь, что проиграла пари: во Франціи будетъ законный государь. Всѣ здѣшніе Англичане, между ними и Сандфордъ, бросились поздравлять всѣхъ эмигрантовъ; ледъ растаялъ, и они теперь такъ же пылки, какъ были сперва холодны. Я бы еще многое могла Вамъ написать на счетъ этого и на счетъ вѣстей изъ арміи, но у меня такая путаница въ головѣ, что мнѣ не справиться. Впрочемъ, г-нъ Марковъ, М-ме де Нуазевиль или княгиня Голицына вѣроятно тоже пишутъ Вамъ. Говорятъ, что наслѣдный принцъ Шведскій написалъ Людовику XVIII прелестное письмо. Говорятъ также, что у послѣдняго апоплектическій ударъ. Если это подтвердится, станетъ очень возможнымъ, что вызывающая къ себѣ общее сочувствіе герцогиня Ангулемская, такъ видимо сохраненная Провидѣніемъ, вернется въ Парижъ королевой, такъ какъ, по словамъ герцога Полиньяка, графъ д'Артуа откажется отъ всѣхъ своихъ правъ. Однимъ словомъ, мы всѣ съ нетерпѣніемъ ждемъ новаго курьера, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, привезетъ еще болѣе интересныя новости. Гр. Шуваловъ писалъ отъ 17-го, значить до Бриенскаго сраженія, что герцога Виченскій (Коленкуръ) въ Шатильонѣ, дѣлая предложенія мира и абсолютно на все соглашаясь, но что о немъ не хотятъ и слышать. Какъ перемѣнилась сцена: два года и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, этотъ самый Коленкуръ, со всею пышностію проконсула, почти что предписывалъ законы въ Петербургѣ. Какъ не благодарить намъ Государя за выказанныя имъ твердость и терпѣніе въ гибельный 1812 г.! Какъ не считать намъ себя счастливыми, что нашъ Императоръ не такъ себя держалъ, какъ прочіе государи, бывшіе въ такомъ же, какъ онъ, положеніи. А всей этой перемѣнной мы обязаны принесенной въ жертву Москвѣ.

Я получила Ваше письмо отъ 29-го и благодарю Васъ за добрыя вѣсти о Титовѣ, но теперь, что Вы ручаетесь, что онъ будетъ жить, умоляю Васъ, не направляйте его въ Петербургъ, а держите въ Москвѣ, гдѣ онъ будетъ точно также болтать, какъ у насъ. Впрочемъ, я вполне увѣрена, что гр. Толстая сумѣетъ его успокоить. Мужъ ея направляется въ Гамбургъ на мѣсто Строганова, идущаго уже въ Дюсельдорфъ. Можно предполагать, что въ настоящую минуту Гамбургъ уже занятъ нами. Но поговоримте теперь и о себѣ; если Вы только колотья чувствуете въ глазахъ, обратитесь къ тетушкѣ за зеленой водой, которую у ней готовятъ, и спросите у ней, какъ ее употреблять; она излечитъ васъ окончательно. Но во всякомъ случаѣ, когда у Васъ перестанутъ болѣть глаза, употребляйте это легкое предохранительное средство, освѣжающее глаза и укрѣпляющее нервы; я его часто употребляю, а Арсеньевъ всю свою жизнь; Вы увидите, какъ это будетъ полезно Вамъ. Я очень рада, что масляница кончилась. Я слишкомъ уставала отъ этого шума. Всюду настала тишина, и что до меня касается, до будущей субботы я удаляюсь отъ свѣта, но я не буду говѣть, такъ какъ говѣла въ Филипповъ постъ, но я буду ходить на всѣ службы; у насъ при Дворѣ великолѣпное служеніе; чудные пѣвчіе и всѣ удобства для посвѣщенія службъ, особенно для меня, живущей около церкви.

Сообщала-ли я Вамъ, что устроила мою маленькую Эртель. Я нашла чудесный пансіонъ г-жи Фогель. Ея дочь воспитывалась въ Смольномъ, а теперь сама занимается воспитаніемъ дѣтей. Миловидная Луиза понравилась, и матери, и дочери. Я имъ рассказала ея исторію и отчасти положеніе моихъ финансовъ, и они поняли, что я не въ состояніи платить много. Обыкновенная плата въ этомъ пансіонѣ 1000 р., а если безъ танцевъ, музыки и пѣнія—700 р. Цѣны эти пугали меня; но мнѣ удалось помѣстить маленькую Эртель за 500 р. и я рѣшилась тотчасъ внести за полгода впередъ. Нѣсколько добрыхъ людей помогли мнѣ въ этомъ, но дочери Маркова я не писала, оставляя это на будущее время. И вотъ, я успокоена за судьбу этой дѣвочки, а мать, надѣюсь, пристроится и безъ меня. Прощайте. У меня страшная головная боль, и я едва пишу. Что касается до состоянія моего духа, чувствую себя лучше и пишу Вамъ объ этомъ, такъ я увѣрена въ искренности Вашего сочувствія. Я Вамъ безконечно благодарна, что Вы не отвѣчали мнѣ на счетъ моей тоски, на которую я Вамъ жаловалась. Продолжайте и впредь такъ поступать, чтобы я могла изрѣдка себѣ это позволить. Но я буду жаловаться Вамъ только, когда сдѣлается совсѣмъ нестерпимо; меня это облегчить, а затѣмъ

все пойдет по прежнему. Господи, Боже мой, какая я жалкая! Пошлите немедленно это письмо по его адресу; оно изъ арміи отъ молодыхъ сыновей къ ихъ матери, которую Вы такъ порадуете доставкой ихъ письма.

КРИСТИНЪ.

Москва, Пятница, 6 Февраля 1814 г.

Я продолжаю давать Вамъ отчетъ о здоровіи Сашу, но страшно боюсь, что придется его закончить роковымъ сообщеніемъ. Докторъ прислалъ за мной сегодня въ 4 ч. утра, и я подумалъ, что все уже кончено. Приѣзжаю и въ дверяхъ гостиной встрѣчаю графиню, выходящую изъ комнаты больного и обратившуюся ко мнѣ со словами: „У меня нѣтъ больше Сашу“. Евдокія и Соня страшно вскрикнули при этомъ, а я поспѣшилъ къ Сашу, гдѣ Кибальдичъ объявилъ мнѣ, что всякая надежда потеряна, что ребенокъ съ 12-ти ч. ночи въ летаргіи, безъ пульса, и что онъ послалъ за мной, что-бы я удерживалъ мать входить сюда. Чуть настало утро, я послалъ за гр. Наталіей Толстой, за гр. Протасовой и за Наталіей Абрамовной Пушкиной. А тѣмъ временемъ пришелъ священникъ, и Сашу исповѣдался и приобщился въ полной памяти, а летаргіи, какъ не бывало. Я бросился къ матери, чтобъ подкрѣпить ее надеждой, но она просила меня уйти, говоря: „жертва принесена, не призывайте меня къ надеждѣ, сынъ мой умираетъ, я тотчасъ покину этотъ домъ и поѣду черезъ нѣсколько дней въ Вѣну; я покорилась волѣ Божіей, но я сражена такимъ ужаснымъ, внезапнымъ ударомъ!“ Такъ прошло нѣсколько часовъ невыразимой пытки; каждаго входящаго въ гостинную, она вопрошала: „кончено-ли все?“ Такъ какъ она все повторяла свое желаніе перѣѣхать къ Протасовой, я сильно ее поддерживалъ въ этомъ, обѣщая оставаться при больномъ ребенкѣ день и ночь, и наблюдать за всѣмъ, что ему необходимо. Она уѣхала къ Протасовой съ дочерьми, а я приѣхалъ къ себѣ распорядиться кой о чемъ и пишу Вамъ на ходу. Мнѣ кажется, Кибальдичъ ошибся на счетъ этой летаргіи и на счетъ разложенія, о которомъ онъ объявилъ сегодня утромъ. Я нигдѣ не вижу этихъ пятенъ. Но теперь я воспользуюсь отсутствіемъ графини, чтобъ пригласить Пфеллера и узнать его мнѣніе. Прощайте. Если застану ребенка живымъ, проведу ночь около него.

Онъ же.

7-го Суббота, утромъ.

Сашу еще живъ, и Пфеллеръ рассчитываетъ даже спасти его; онъ не нашелъ его въ такой опасности, какъ Кибальдичъ, а въ числѣ

тревожныхъ признаковъ нашелъ только слабость пульса. Однако, несмотря на свою слабость, Сашу все время въ памяти; я провелъ при немъ ночь съ Анной Никитичной, и онъ ни разу не ошибся, обращаясь къ ней по русски, а ко мнѣ по французски; онъ самъ беретъ чашку и глотаетъ порошокъ съ мускусомъ, не морщась; поворачивается безъ чужой помощи, но цѣлый день дремлетъ; говорить,—это хорошо. Мать была сегодня утромъ съ Протасовой, но всего на минуту. Такъ какъ опасность еще не вполне прошла, мы воздержались слишкомъ успокаивать ее. Докторъ при ребенкѣ, а я вернулся поспать часокъ, другой.

Онъ же.

8-го Воскресенье, утромъ.

Я провелъ вчера вечеръ при больномъ, а Кибальдичъ—ночь. Онъ пишетъ мнѣ сейчасъ, что Сашу немного бредилъ, но что пульсъ крѣпче и что онъ самъ начинаетъ, не смотря на все еще опасное положеніе, надѣяться на благополучный исходъ. Феллеръ сказалъ мнѣ вчера, что никакихъ пятенъ и разложенія онъ не видитъ и сильно надѣется на выздоровленіе ребенка. Мать призываетъ его провѣдывать, но ночуетъ у Протасовой, гдѣ и барышни, и это лучше, потому что при ней ничего нельзя дѣлать и нѣтъ возможности отвѣчать на всѣ ея вопросы. Я сейчасъ поѣду туда. Ваше письмо отъ 3-го Февраля я получилъ вчера вечеромъ и тотчасъ же послалъ тетушкѣ Вашей приложенное къ нему письмо. Самъ Ароньевъ боленъ, но я не могъ его навѣстить, такъ какъ отхожу отъ Сашу, только чтобъ поспать немного дома; мать убѣждена, что мое присутствіе приноситъ пользу ребенку... По крайней мѣрѣ, это ее успокаиваетъ, а и это очень важно.

Конечно, совершенно вѣрно, что нельзя полагаться на прислугу, чтобъ давать больному лекарства. Я еще въ Пятницу считалъ его въ агоніи и не нарадуюсь, что сегодня Воскресенье, а онъ живъ. Но кризиса еще не было; сегодня двѣнадцатый день; самый опасный будетъ завтра. Кромѣ какъ о Сашу, ни о чемъ другомъ не могу писать. До завтра. Домъ полонъ скрипокъ, танцевъ, всякаго шума, но я ни въ чемъ не принимаю участія. Слава Богу, завтра все это кончится. Я также теперь жду поста, какъ въ 20 лѣтъ ждалъ масляницы.

Онъ же.

Понедѣльникъ, 9-ое Февраля.

Мнѣ кажется, что теперь мы можемъ успокоиться за Сашу; мушки удивительно хорошо подѣйствовали, такъ что можно считать, что

кризисъ прошелъ. Пфеллеръ находить, что напрасно такъ напугали графиню. Она вернулась къ себѣ, совѣмъ съ другими чувствами, чѣмъ когда выѣхала изъ дома. Вы смѣло можете теперь ее поздравить. „Вотъ теперь и для меня настала масленица!“ сказала она мнѣ сегодня утромъ. Не знаю, что думать о Кибальдичѣ: или онъ круглый невѣжда, или, что еще хуже, отъявленный эгоистъ, хотѣвшій воспользоваться случаемъ получить чинъ или орденъ, до которыхъ онъ очень падохъ, и сильно преувеличившій опасность, что-бъ заставить себя больше цѣнить, хотя при этомъ онъ могъ убить графиню, такъ ужасно имъ напуганную! Онъ все время былъ противъ консилиума и если-бъ я по отъѣздѣ графини къ Протасовой не настоялъ на этомъ, такъ-бы больного никто другой не видѣлъ, и онъ приписалъ бы себѣ одному славу такого невѣроятнаго излеченія. Пфеллеръ побилъ тотчасъ его увѣренія объ опасныхъ признакахъ и сказалъ, что есть надежда на выздоровленіе. И, слава Богу, онъ не ошибся.

Вчера я противъ воли далъ себя увлечь на маскарадъ Позднякова, съ котораго вернулся совѣмъ разбитый. Я спалъ плохо и не могу поэтому высказать Вамъ всѣ мои мысли о чудныхъ политическихъ новостяхъ. Ради Бога, извѣщайте меня обо всемъ и подстерегайте вѣсть объ катастрофѣ, что-бъ не пропустить перваго о ней сообщенія. Прощайте; я постараюсь написать Вамъ болѣе интересныя вещи, чѣмъ сегодня, но теперь прямо не въ силахъ. А Вы теперь заняты милыми грибочками и желтыми поливными горшечками, которые я такъ ненавижу; неужели же, право, ихъ нельзя предлагать въ чемъ нибудь болѣе красивомъ?

Онъ же.

Москва, 16-ое Февраля 1814 г.

Изъ Вашего письма отъ 9-го числа я вижу, что Вы получили мое отъ 29 Января, но Вы ничего не говорите о моемъ письмѣ отъ 2-го Февраля; я надѣюсь, однако, что и оно дошло, какъ и письма отъ 5-го и 9-го, отъ которыхъ я могъ бы Васъ избавить, такъ какъ я Васъ ими только напрасно растревожилъ. Сашу, благодареніе Господу, на пути къ полному выздоровленію; но еще лежить, и аппетитъ не появлялся. Конечно, княжна, начинайте вышивать портфель и знайте, что я его Вамъ не прошу: если удержишь пари, то и платись.

Ваше письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, и я плакалъ за одно съ г-жей де Тарантъ. Я жду конца со дня на день: онъ ужъ

недалеко, сомнѣній не можетъ быть никакихъ, и по совершающемуся можно уже судить объ результатахъ. Будеть-ли Людовикъ XVIII, Карлъ X, или Людовикъ XIX королемъ Франціи, все же это будетъ Бурбонъ!

Такъ много мыслей и чувствъ, что невозможно передать, что происходитъ въ душѣ въ такой важный моментъ. Обыкновенными словами не выскажешь все величіе событій и ихъ значеніе. Потомство взглянетъ на нихъ лучше насъ, такъ какъ будетъ судить хладнокровно, тогда какъ мы судимъ пристрастно. Мнѣ кажется, что во всей исторіи не было момента болѣе знаменательнаго! Такъ много нашумѣвшій Кромвель имѣлъ ареной своего дѣйствія только одинъ изъ Европейскихъ острововъ; а Наполеонъ взволновалъ всю Европу, породнился съ первымъ изъ царствующихъ домовъ и поженилъ всѣхъ своихъ на владѣтельныхъ принцессахъ. Казалось, что этотъ колоссъ могущества утвержденъ на всѣ вѣка; но у его мѣдной головы и желѣзнаго тѣла были глиняныя ноги: съ горы посыпался песокъ, и колоссъ распался. Доживемъ-ли мы, чтобъ читать того Боссюета, котораго явить настоящая эпоха? А что покажется Боссюетъ, это безпорно; всякое великое событіе имѣетъ своего историка, а настоящая эпоха революціи дастъ обильный матеріалъ для краснорѣчія, когда о ней можно будетъ говорить свободно. Но авторъ долженъ обладать умомъ проницательнымъ и въ тоже время религіознымъ, чтобъ доказать, что всѣмъ руководитъ Богъ. За 25 лѣтъ сколько роптали на промыслъ Божій? А Онъ спокойно все вель впередъ, видя исходъ тамъ, гдѣ мы его и не подозрѣвали. Мнѣ пріятно думать, что души Людовика XVI, королевы и М-me Elisabeth видятъ все теперь происходящее. Всѣ погибшіе за нихъ должны тоже радоваться *тамъ* концу всѣхъ бѣдствій, такъ же какъ и мы радуемся этому здѣсь на землѣ, гдѣ мы въ такомъ всегда ослѣпленіи, видя все смутно и превратно. Я снова оплакалъ всю королевскую семью, погибшую 21 годъ тому назадъ. Полагаю, что Парижъ поплатился за всѣ злодѣянія, которыми онъ себя опозорилъ; я не могу допустить, чтобъ справедливый судъ Божій не покаралъ столь преступный городъ. Умоляю Васъ, сообщайте мнѣ обо всемъ; каждый день знаменуется чѣмъ нибудь значительнымъ. Ваше сравненіе съ *Нечестивцемъ* очень вѣрно. И какъ ужасны должны быть размышленія гордыхъ спутниковъ Тирана, видящихъ близость своей гибели и искупленія своихъ преступленій, если не пыткой, то общимъ презрѣніемъ и ненавистью. Какъ бы любопытно посмотришь на эту великую перемѣну!

Да, нашъ Императоръ дѣйствительно освободитель Франціи и всей Европы и блестяще вознагражденъ за свою покорность и терпѣніе въ тяжелое испытаніе 1812 г. И нашлись же Русскіе, желавшіе мира, когда врагъ былъ у нихъ въ отечествѣ! Карамзинъ говорилъ мнѣ въ Августѣ 1812 г.: „почему-бы не уступить Наполеону Литву и прочія Польскія губерніи, безъ которыхъ мы можемъ обойтись! Развѣ не видятъ, что бесполезно сопротивляться такому человѣку, и что Пруссія и Австрія обязаны своимъ спасеніемъ подобными уступками?“ И съ такими-то мыслями, съ такимъ отсутствіемъ благородства и энергіи подобный человѣкъ трудится надъ исторіей Россіи! Ахъ! какія предстоятъ Александру преобразованія по его возвращеніи! Надѣюсь, что онъ ужъ не встрѣтитъ сопротивленій и справится со всѣми трудностями. Онъ вернется въ полномъ могуществѣ и покрытый славой; Европа провозгласитъ его своимъ благодѣтелемъ, а его подданные будутъ его просить *не о дарованіи новыхъ законовъ*, но исполненія закона, не о судьяхъ и министрахъ, но о назначеніи людей честныхъ и неподкупныхъ на мѣста, отъ которыхъ зависитъ общественная безопасность. Тогда онъ, помазанникъ Божій и истинное орудіе промысла, сможетъ себѣ сказать: я выполнилъ мое дѣло, вернулъ народамъ миръ, сдѣлалъ моихъ подданныхъ счастливыми и оставляю потомству образецъ, который будутъ благословлять изъ вѣка въ вѣкъ и съ которымъ будутъ сравнивать лучшихъ государей, когда захотятъ восхвалить ихъ добродѣтель и возбудить ихъ соревнованіе. Какъ говорить послѣ всего этого о моихъ глазахъ. Имъ лучше, но я буду употреблять зеленую воду г-жи Арсеньевой. Я ее видѣлъ въ Субботу; мужъ ея все еще слабъ; у него такъ было жарко, что я едва могъ высидѣть 20 минутъ. Письмо къ Олсуфьевой отослано. Поздравляю Васъ съ устройствомъ дѣвочки Эртель. Прощайте. Я думаю, что получу еще въ Среду отъ Васъ письмо. Развѣ Ваша тетрадь не позволяетъ Вамъ писать? Я на счетъ этого ничего не знаю. Господь позволяетъ думать о друзьяхъ. Вчерашній вечеръ я провелъ съ гр. Толстой въ обществѣ одной старушки, возвратившейся изъ Іерусалима, куда она ходила пѣшкомъ. О Вашемъ письмѣ я ничего не сказалъ, по случаю писаннаго Вами о Титовѣ. Его еще нѣтъ здѣсь: онъ останется въ Рязани, пока не поправится.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 12 Февраля 1814 г.

Послѣ моего послѣдняго къ Вамъ письма въ Понедѣльникъ, я получила Ваше отъ 2-го Февраля. Я не въ состояніи выразить Вамъ,

какъ меня огорчила болѣзнь Сашу; зная, какъ его обожаетъ мать, я такъ понимаю, что должна она испытывать. Сохрани ей его Господь! Но если онъ выздоровѣетъ, вотъ когда будетъ настоящій случай для ея *обращенія*, относительно бѣлокурыхъ. Ужасная мысль, преслѣдующая ее теперь, очень естественна; я удивляюсь только, какъ она не являлась у ней раньше.

Я никогда не могла понять, какъ при ея умѣ и религіозности у ней никогда не появлялся страхъ лишиться своего любимца, которому она оказывала такое предпочтеніе въ ущербъ другимъ дѣтямъ, ни въ чемъ не повиннымъ. Это доказываетъ, что ея воображеніе такъ же мало походить на мое, какъ и наши лица. Меня бы эта мысль преслѣдовала денно и ночью. Когда проникнуть убѣжденіемъ, что подобная исключительная любовь противна Господу, можно-ли оставаться покойной? Если любить, какъ заповѣдуетъ Господь, въ Немъ и для Него, и быть готовой отдать Ему предметъ нашей любви, въ какое бы время Онъ ни потребовалъ его, тогда можно быть спокойной, но развѣ мы умѣемъ такъ любить? Не слишкомъ-ли мы упираемся на эту тлѣнную руку, которая можетъ быть у насъ отнята съ минуты на минуту? Возвращаюсь къ гр. Толстой и серьезно прошу Васъ, поговорите съ ней насчетъ бѣлокурыхъ. Я надѣюсь, что Господь, по своему милосердію, сохранить ей ея дорогое дѣтище. Какъ только ему станетъ лучше, примитесь за нее, напомните ей все выстраданное ею, всѣ угрызенія ея совѣсти и устрашите ее будущностію. Я съ своей стороны, сумѣю написать ей въ такомъ же духѣ. Сегодня я должна получить настоящее письмо отъ Васъ и жду его съ нетерпѣніемъ. Я провела три дня въ полномъ почти одиночествѣ; только вчера пріѣзжала ко мнѣ М-ме де Нуазевиль съ Соней и съ Лизой Трубецкой. Онѣ посидѣли не болѣе часа, такъ какъ ѣхали ужинать къ *Princesse Michel*. Какъ я подумаю, что я не сдалась на всѣ приглашенія этой *belle Dame*, не смотря на всѣ ея безчисленныя любезности ко мнѣ, я очень довольна собой за свою твердость. Можно умереть со скуки, когда застанешь у ней *le beau Ténébreux* и *le beau Idéal*; это два плѣнные итальянца, которыхъ она допустила до самаго короткаго съ ней знакомства. А когда случается застать ее одну, она измучить Васъ рассказами, чтеніемъ старыхъ исторій объ ея красотѣ, побѣдахъ и . . . можно умереть съ отчаянія.

Письма изъ Амстердама, требующія однако подтвержденія, говорятъ, что Людовикъ XVIII въ Гагѣ, а герцогъ Ангулемскій въ арміи Веллингтона; значить неправда, что у перваго былъ апоплектический

ударъ. Вы правы, говоря, что извѣстія такъ интересны, что забудешь и о снѣ. Гурьева, съ ея подвижностію и безпокойствомъ, увѣряетъ, что у ней форменная бессонница отъ всѣхъ извѣстій. Я не могу сказать того же: никакіе Бурбоны и Бонапарты не помѣшаютъ мнѣ спать; а если это и случается, то по другимъ причинамъ. Я уже запечатала мое письмо, но вынимаю его, что-бъ сказать, что получила Ваше отъ 5-го. Я теряю всякую надежду за Сашу. Несчастливая мать, какъ ужасно ея положеніе! Какой прелестный ребенокъ и какая жертва! Я ни о чемъ другомъ не могу думать. Пожалуйста, продолжайте давать мнѣ о немъ извѣстія.

Она же.

С.-Петербургъ, 17-ое Февраля 1814 г.

Тысячу благодарностей Вамъ за добрыя вѣсти о Сашу. Послѣ Вашего послѣдняго письма я считала его безнадежнымъ и только и ждала роковаго подтвержденія, что-бъ выѣхать въ Москву. Ничего никому не говоря, я рѣшила, что въ случаѣ несчастья, поѣду къ гр. Толстой, такъ ея положеніе терзало мнѣ сердце. Но Господь удержалъ Свою руку, готовую нанести ударъ, сохранилъ ей ея дорогое дитя. Какъ она должна восхвалять Господа за Его великую милость, и какъ должна благодарить Васъ, такъ хорошо отнесшагося къ ея положенію. Я увѣрена, что она искренно чувствуетъ это; а что касается до меня, я Васъ считаю добрѣйшимъ человѣкомъ и за одно уже это, оставляя въ сторонѣ всѣ Ваши прочія достоинства, люблю Васъ отъ всего сердца и безконечно благодарна М-ше де Нуазевиль, познакомившей насъ. Ваше посѣщеніе стариковъ Еверсовъ меня глубоко тронуло; я никакъ не рассчитывала на это; я считала себя очень Вамъ обязаной и за то, что Вы были у аббата Малерба. Ваше появленіе должно было очень удивить эту славную чету; я такъ и вижу глухую старушку съ ея вопрошающимъ видомъ. Благодарю Васъ горячо за все, что Вы намѣрены сдѣлать для нихъ. Дѣла ихъ, какъ Вы правильно выражаетесь, далеко не блестящи, но все же, какъ никакъ, они живутъ, а съ пособіемъ, которое я имъ даю, имъ теперь легче будетъ существовать. Если Вы будете, время отъ времени, посылать имъ кой-какой провизіи, то больше, полагаю, ничего и не нужно; но надѣюсь, что Вы не допустите, чтобъ благодарность, исключительно Вамъ принадлежащую, получала я. Умоляю Васъ, скажите это Еверсамъ сами; я до Вашего разрѣшенія ничего не буду говорить, даю Вамъ слово; но прошу Васъ убѣдительно, позвольте мнѣ написать имъ объ этомъ. Я хочу, чтобъ мои старички молились и за Васъ, какъ

они молятся за меня. Чистыя молитвы незлобивой старушки принесутъ намъ счастье. Теперь, когда гр. Толстая успокоилась, я снова прошу Васъ поговорить съ ней настоятельнѣе на счетъ бѣлокурыхъ; дайте ей понять всю ея несправедливость, постращайте будущимъ. Заставьте какъ слѣдуетъ ее оцѣнить великую благость Господа, отстранившаго ударъ, который бы сразилъ ея сердце. Я бы ей и сама написала сегодня, но такъ тороплюсь, что могу только написать Вамъ. Вчера весь день тщетно ждали курьера, такъ что новыхъ извѣстій не получали. Дюбуръ, котораго я видѣла вечеромъ, очень встревоженъ этимъ запозданіемъ, но гр. Шуваловъ такъ положительно увѣрялъ насъ, что нельзя ожидать извѣстій раньше сегодняшняго вечера или же завтра утромъ, что я успокоилась. Если что получимъ, я Вамъ сообщу съ Самсоновымъ, сосѣдъ по Симамъ, который выѣзжаетъ завтра въ ночь. Моментъ такой, дѣйствительно, важный, что малѣйшее замедленіе причиняетъ тревогу.

Вчера я сопровождала Императрицу на экзаменъ въ Екатерининскій Институтъ. Мы отправились туда въ половинѣ пятаго, а вернулась ровно въ половинѣ одиннадцатаго: выходитъ минута въ минуту шесть часовъ! Воспитанницы вышли съ честью и славой изъ испытаній, особенно по исторіи. Начальница говорила мнѣ, что въ этомъ выпускѣ есть ученицы на рѣдкость. Все это хорошо, но что будетъ съ этими „*historiennes*“, которымъ суждено прожить всю ихъ жизнь въ глуши самыхъ отдаленныхъ губерній? На пять или шесть барышенъ извѣстныхъ фамилій и призванныхъ жить въ свѣтѣ, придется пятьдесятъ, которыя уѣдутъ въ Тамбовъ, Пензу, Курскъ и Саратовъ. Думаете-ли Вы, что онѣ будутъ счастливы, возвратясь къ своимъ бѣднымъ родителямъ, въ ихъ скромную обстановку жизни, съ одними историческими познаніями, безъ всякихъ свѣдѣній по хозяйству? Я очень сомнѣваюсь въ этомъ и нахожу, что имъ не слѣдовало оставлять родительскаго крова и что они могли бы и не знать о существованіи Грековъ и Римлянъ. Значеніе родного языка и ручныхъ работъ было бы совершенно достаточно для этихъ бѣдныхъ барышенъ. Я очень довольна, что моя очередь дежурства пришлась на вчера, такъ какъ, не смотря на продолжительность экзамена, онъ былъ очень интересенъ. Я обожаю молодежь и дѣтей; мнѣ кажется, что съ ними дѣлаешься чище.

Графа я видѣла на дняхъ; все его лице сіяетъ, лишь только онъ завидитъ меня. Онъ очень подшучивалъ на счетъ поста и говорилъ много глупостей въ этомъ родѣ; между прочимъ спросилъ у меня, будетъ-ли спасенъ Демидовъ, игравшій со мной въ пикетъ! Я ему

отвѣтила, что его какъ и Демидова ждетъ одинаковая участь, такъ какъ онъ знаетъ, что удобнѣе верблюду пройти сквозъ игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе небесное!

Его позабавилъ мой отвѣтъ, но, конечно, онъ ни на минуту не почувствовалъ истину его. Господь да сжалится надъ нимъ. Мнѣ такъ хочется, чтобъ духъ его позналъ истину. Я слишкомъ люблю его, что-бъ не желать его обращенія.

Прощайте; очень ужъ поздно; меня ждетъ М-те де Нуазевиль; настоящее письмо пойдетъ съ ея письмомъ къ Вамъ. Потрудитесь прилагаемую при семъ записочку послать къ тетускѣ.

КРИСТИНЬ.

Москва, 23 Февраля 1814.

Я долженъ отвѣтить Вамъ на Ваши письма отъ 12-го и 17-го и буду писать по порядку. Вы вполнѣ правы относительно преступнаго предпочтенія графини къ нѣкоторымъ изъ ея дѣтей и брUNETAMъ передъ блондинами. Тяжело на это смотрѣть, особенно при обстоятельствахъ, въ которыхъ она только что была. Но Вы очень ошибаетесь, думаю я, что мое краснорѣчіе можетъ измѣнить ея несправедливость. Только даромъ потратилъ бы слова, да къ тому же, мнѣ какъ-то претитъ взять роль проповѣдника по тому только, что я имѣлъ случай оказать ей незначительную услугу; мнѣ все казалось бы, что я этимъ затрогиваю извѣстную деликатность, которую Вы сами лучше понимаете, чѣмъ могутъ ее опредѣлить мои слова. Тѣмъ не менѣе, я пошелъ бы и на это, если бъ рассчитывалъ на малѣйшій успѣхъ; но будьте увѣрены, что этому злу ничто не поможетъ.

Если легко вселить гр. Толстой какое угодно чувство къ людямъ. къ которымъ она равнодушна, то совершенно невозможно заставить ее измѣнить разъ составленное ею о комъ нибудь мнѣніе. У меня на это много доказательствъ. Она тверда, какъ желѣзо, ни на іоту не измѣнить себѣ, отстаивая свое мнѣніе, и только рискуешь поссориться съ ней, оспаривая его. Вотъ, хоть бы съ Кибальдичемъ, въ настоящее время. Онъ выказалъ себя или ничего не знающимъ или безсердечнымъ эгоистомъ. Середины между этими двумя эпитетами нѣтъ; нужно выбрать одинъ изъ нихъ, а графиня стоитъ на томъ, что онъ на минуту потерялъ голову по своей великой привязанности къ ребенку и ко всей семьѣ, и что она всегда будетъ въ него вѣрить. И съ этого

ее не собьешь. Я разъ двадцать говорилъ ей о бѣдномъ Жоржѣ за время опасной болѣзни Сашу. Его оставили съ M-elle Кюно, и когда мнѣ разъ пришлось войти въ ея комнату, я засталъ Жоржа горько плачущимъ. Онъ бросился ко мнѣ, спрашивая о здоровіи брата, а Володя въ то самое время смѣялся и игралъ; по молодости своей онъ можетъ не могъ еще глубоко чувствовать. При моихъ словахъ объ Жоржѣ, графиня ни разу не выразила довольства, даже не улыбнулась, точно онъ ей чужой. Володя же второй Сашу. Трое младшихъ дѣтей въ деревнѣ у Шереметевой. Очень ужъ была избалована графиня въ дѣтствѣ. Характеръ у ней упрямый, но она похваляется тѣмъ, что не мѣняетъ своего характера и сердится, если ей противорѣчатъ. Съ другой стороны у ней пропасть достоинствъ всякаго рода, за которыя и слѣдуетъ ее любить и уважать, отказавшись окончательно отъ мысли передѣлать ее. Поэтому я ничего ей не скажу; но мое молчаніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ говорить ей многое, и если она захочетъ, то сумѣетъ истолковать себѣ его. Я очень желаю, что-бъ Вы были въ состояніи доказать мнѣ, что я ошибаюсь; но я сильно сомнѣваюсь въ этомъ. Княгиня Michel упрасивала, значить, Васъ бывать у нея и Вы устояли передъ ея искательствами, съ чѣмъ Васъ отъ души поздравляю. Вы не можете себѣ представить сколько неудобствъ отъ такого общества, которое, по моему, совсѣмъ къ Вамъ не подходитъ. Послѣ того, что она 13 лѣтъ совсѣмъ безпричинно поносила меня, ей вдругъ пришло на умъ снова завести со мной переписку и отправиться восхвалять свои отношенія ко мнѣ M-ше Гусъ, прося ее быть посредницей между нами. Это настолько же вѣрно, какъ странно и удивительно, и M-ше де Нуазевиль можетъ Вамъ передать всѣ подробности. Я же только скажу Вамъ, что просилъ Г-жу Гусъ передать княгинѣ на словахъ, что хотя я тронуть ея памятью обо мнѣ, но считаю болѣе благоразумнымъ не пускаться снова по такому бурному морю. Я немножко въ M-ше Гурьеву: сознаюсь Вамъ, что ожиданія и неувѣренность въ исходъ войны лишаютъ меня сна; опасенія мои увеличиваются ежедневно соразмѣрно съ моимъ нетерпѣніемъ. Я болѣе не могу говорить объ этомъ, до прибытія курьера. Я стараюсь отвлечь мое воображеніе отъ моихъ ожиданій, которыя при неизвѣстности чистая пытка. На этихъ дняхъ я два раза видѣлъ Вашу тетужку и переслалъ ей Ваши оба письма. Она снабдила меня по своей добротѣ зеленой водой, которая очень мнѣ помогаетъ. Вы мнѣ запретили хвалить Васъ, а сами хвалите меня; согласитесь, что это несправедливо. Поставимте нашу скромность въ равновѣсіи и будемте вдвоемъ играть въ молчанку, иначе я нарушаю условіе. Относительно стариковъ Эверсовъ я Васъ попрошу не выдавать еще секрета, что необходимо для пользы дѣла.

Вашимъ именемъ я дѣлаю все, что нужно; а со временемъ, когда я приобрѣту нѣкоторыя права и установится нѣкоторая привычка ко мнѣ, тогда Вы можете имъ сказать что угодно. На этихъ старичкахъ я увидѣлъ примѣръ тому положенію, которое всю мою жизнь считалъ самымъ ужаснымъ, т. е. старческіе недуги при стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ и страхъ не имѣть необходимаго. Почтенные старички эти живутъ, лишая себя всего, а недостача средствъ вѣчно тутъ, въ отвѣтъ на необходимыя нужды. Старость требуетъ нѣкоторой сладости жизни, чтобъ удалить то, что въ ней самой есть грустнаго. М-ше Эверсъ, видя во мнѣ Васъ, открыла мнѣ, до чего страдаетъ ея сердце отъ жертвъ, которыя приходится дѣлать ея старому мужу для ея здоровья. Я вполне раздѣлилъ съ ней ея чувства и говорилъ съ ней въ ея духъ. А вѣдь мнѣ лично, не дѣйствуя я за Васъ, она никогда не открылась бы и я не могъ бы ничего сдѣлать для нихъ. Здоровье ея очень плохо. Господь привелъ въ Москву на нѣкоторое время доктора, жившаго 5 лѣтъ у гр. Маркова; я его очень люблю и уважаю и располагаю имъ, какъ самимъ собой. Я ѣздилъ съ нимъ къ М-ше Эверсъ, леченіемъ которой онъ занялся, не ручаясь однако за успѣхъ; онъ нашель, что ей грозитъ водянка и что нужно, не теряя времени, предупредить ея появленіе. Недавно она кашляла съ кровью, что дурной признакъ. Докторъ предписалъ ей порошки и будетъ тщательно наблюдать за ея болѣзнію. Вы правы, находя, что молитвы такой чистой души принесутъ счастье, но Вамъ нѣтъ надобности просить ея молитвъ для меня. она не перестаетъ благословлять меня, особенно со дня моего привоза доктора, такъ какъ она мнѣ еще призналась, что ей нечѣмъ платить доктору, а мой докторъ ни ей, ни мнѣ ничего не будетъ стоить. Докторъ Обергъ ангель доброты, не смотря на непріятное, угрюмое лице. Онъ очень искусенъ въ своемъ дѣлѣ, и гр. Марковъ, который очень любитъ его, можетъ Вамъ засвидѣтельствовать это, такъ какъ онъ всегда былъ очень доволенъ имъ. Сосѣдка Эверсовъ г-жа де Ривъ скончалась, что, понятно, очень огорчило ихъ. Неправда-ли, что нѣтъ ничего трогательнѣе и достойнѣе вниманія, какъ старость почтенныхъ людей, и что никакое счастье не сравнится съ тѣмъ, которое испытываешь при возможности доставить имъ нѣсколько хорошихъ дней именно въ ту пору ихъ жизни, когда они одиноки и болѣе всего нуждаются въ поддержкѣ и заботахъ.

Я не раздѣляю Вашего мнѣнія на счетъ барышень, которыя вернутся въ провинцію съ столичнымъ воспитаніемъ; я считаю, что дворянство во всѣхъ странахъ должно быть образовано, иначе невозможно прожить счастливо: образованіе расширяетъ кругъ мыслей,

не даетъ уму пребывать въ застоѣ, что такъ поражаетъ въ нашихъ деревенскихъ помѣщикахъ, такъ что они дѣлаются хуже мужиковъ. Грубость мужика не удивляетъ, къ нему не предъявляютъ никакихъ требованій; но грубость помѣщика, при его глупомъ чванствѣ своимъ дворянствомъ, вещь нестерпимая. Ничего другаго я не встрѣчалъ въ губерніяхъ и я считаю вполне подходящимъ, чтобъ барышни, въ виду ихъ будущей роли матерей семействъ, сознавали преимущества образованія и старались бы постепенно его распространять. Согласенъ, что успѣха не скоро дожждаться, но что же можно сдѣлать лучшаго. Боюсь же я въ нашихъ губернскихъ городахъ лицеевъ, Академій, Университетовъ съ профессорами мартинистами, масонами, сектантами, какими почти девять десятыхъ профессоровъ въ Дерптѣ, Харьковѣ и др. Вотъ это мнимое просвѣщеніе, оно дѣйствительно приноситъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Увы! долженъ Васъ предупредить, княжна, что Вамъ не добиться обращенія гр. Маркова! Онъ грѣшитъ въ самой основѣ: онъ не вѣритъ. Никакой установленной системы у него нѣтъ, онъ деиствъ, вотъ и все. Что касается до откровенія, онъ принаравливаетъ его къ мѣтамъ язычества, и тщетно будете Вы стараться сбить его съ этого, такъ его возмущаетъ отречься отъ своихъ чувствъ, чтобъ вѣрить въ тайну. Демидовъ не зашелъ такъ далеко, но не знаю, спаслись ли ему легче графа Маркова по его богатству, которое, какъ Вы справедливо говорите, по Евангелію большая тому помѣха. Впрочемъ, Демидовъ можетъ рассчитывать на блаженство, обѣщанное нищимъ духа, на что ужъ графъ полагаю ни какъ не можетъ претендовать.

Сейчасъ меня увѣрили, что Апраксинъ получилъ извѣстіе, что главная квартира Русскихъ въ Шато-Тьеро. Если это дѣйствительно такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что три дня спустя вступили уже въ Парижъ.

Меня немного смущаетъ, что примѣру Мюрата не послѣдовали прочіе маршалы. Можетъ они поджидаютъ Людовика XVIII, чтобъ сдать ему? но я не хочу разсуждать объ этомъ до прибытія окончательнаго курьера. Я совсѣмъ схожу съ ума, такъ я ломаю себѣ голову надъ тѣмъ, въ чемъ я не могу ничего измѣнить.

Прощайте; какъ я росписался съ Вами; теперь придется сократить мою бесѣду съ М-me Нуазевиль, за письмо къ которой перехожу. M-elle Бридель увѣряетъ, что Вы отправляетесь съ Princesse Boris на богомолье въ Тихвинъ. Правда-ли это и долго-ли Вы тамъ пробудете.

Прощайте! Почти все мое утро я посвятилъ Вамъ, не написавши никому другому.

Княжна Туркестанова.

С.-Петербургъ, 24 Февраля 1814 г.

Удивляюсь, какъ это я не извѣстила Васъ о полученіи Вашего письма отъ 2-го числа. Это совсѣмъ не похоже на мою аккуратность. Видно болѣзнь Сашу сильно разстроила меня. Письмо это я получила своевременно. Вчера получила Ваше письмо отъ 16-го, но отложила до сегодня мой отвѣтъ Вамъ, такъ какъ ждуть курьера, и для Васъ я отправилась обѣдать къ М-ше де Литта, гдѣ всѣ новости изъ первыхъ рукъ; но мои ожиданія не оправдались, и мы должны довольствоваться нѣсколькими номерами Франкфуртской газеты, въ которыхъ подробное изложеніе Бріенскаго сраженія и вся рѣчь Лэне въ законодательномъ корпусѣ изъ которой „Conservateur“ приводилъ только отрывки. Лэне выпроводили въ Бордо, куда онъ можетъ никогда и не попадетъ; подобныя вещи не новость. Нужно желать повторенія подобныхъ сценъ, вѣдь внутреннія раздоры стоятъ выигранныхъ сраженій. Я очень желаю, чтобъ Бонапартъ велѣлъ арестовать нѣсколькихъ членовъ, что-бъ возбудить прочихъ. Это былъ-бы способъ заставить говорить объ Бурбонахъ. М-ше де Нуазевиль и я должны опровергнуть многія изъ Вашихъ новостей на счетъ нихъ. Король, напимѣръ, никогда не выѣзжалъ изъ Англіи и не могъ слѣдовательно высадиться во Франціи. Сынъ герцога Полиньякъ писалъ ему, что у короля парализована рука и что его перевезли въ Батъ. Молодые принцы отправились въ армію Веллингтона, это достовѣрно. Графъ д'Артуа долженъ быть въ главной квартирѣ. Исторія конгресса въ Шатильонѣ интригуетъ очень многихъ, но я вѣрю гр. Литта, который увѣряетъ, что изъ него ничего не выйдетъ. Трудно себѣ представить, что всѣ принцы собрались только для того, что-бъ заключить миръ съ Наполеономъ.

Здѣсь очень недовольны Веллингтономъ, который точно застылъ; говорятъ, онъ все возится съ Кортесами. Находящіеся здѣсь Англичане оспариваютъ это, утверждая, что онъ начнетъ дѣйствовать, лишь только пріѣдетъ герцогъ Ангулэмскій. Давай Богъ! А дѣло подъ Бріеномъ было очень горячее; я читала въ Франкфуртской газетѣ, что нѣкоторыя селенія по нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Видите, какъ Французы еще дерутся. Невѣрно и то, что эти провинціи были заняты именемъ Людовика XVIII: ничто не подтверждаетъ этого извѣстія. Однимъ словомъ, простите мнѣ, если мое послѣднее письмо было

полно ложныхъ извѣстій. Но что тутъ подѣлаешь? Когда сообщаютъ подробности, полученныя изъ самой арміи и къ тому же вполне соответствующія нашимъ ожиданіямъ, какъ тутъ не подѣлиться съ ними! Посмотримъ, что у насъ будетъ сообщить Вамъ послѣ первой почты. Я получила отъ старушки Эверсъ письмоце. Она чрезвычайно тронута Вашей добротою; говоритъ объ обѣщанныхъ Вами ей винѣ и кускѣ полотна, однимъ словомъ у ней кружится голова отъ всего, что съ ней происходитъ. Фамилію Вашу она опять запомнила и ограничивается тѣмъ, что называетъ Васъ благодѣтельнымъ Ангеломъ. Я ей все объяснила на счетъ Васъ, и теперь она будетъ знать съ кѣмъ говорить. Если она такъ Вамъ благодарна, то и я не менѣе ей признательна Вамъ; я очень хорошо понимаю, какое чувство руководитъ Вами, и никогда не забуду этого. Чрезвычайно рада, что Сашу на пути къ выздоровленію; воображаю какъ онъ выроститъ за свою болѣзнь. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте меня.

